

МЖЖ

АНАГЕР

ЖОТ

ГРЁБАНОО
ВЫСШЕЕ
ОБЩЕСТВО...

У НИХ ДЕНЕГ,
КАК ГОВНА ЗА БАНЕЙ.
А ВОТ ОТКУДА ОНИ?!

БАБЛО
MONEY

Роман-жизнь
от первого лица.

Основан
на реальных
событиях.

Алексей Юрьевич Кольшевский

МЖ. Роман-жизнь

от первого лица

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=152882

Кольшевский А. МЖ. Роман-жизнь от первого лица: Эксмо; М.; 2007

ISBN 978-5-699-21058-9

Аннотация

Кольшевский – главный герой романа «МЖ» – один из огромной армии офисных сотрудников, ненавидящих свою работу и желающих начальству и работодателям поскорее сдохнуть. Он – менеджер «на свой карман», который мечтает о свободе и настоящей любви. А это возможно только при наличии солидного банковского счета. Ради своей цели он готов на все! Тем более богатство рядом – ежедневный оборот компании, в которой он работает, равен его зарплате... за несколько десятков лет.

Содержание

Вместо пролога	4
Часть I	13
Ну, типа, здарсьте!	13
Пидоры и Маргарита	26
Адские одноклассники и Дима Христос	32
Кач	42
Бизнесмен силового плана, противотанковая мина и две шлюхи	48
Born to be a doctor	64
Менеджер на свой карман – 1	74
Шоу Клинтона в Кремле	96
Америка? Молдавия!	103
Бандиты и Руся	126
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Алексей КОЛЫШЕВСКИЙ

МЖ. РОМАН-ЖИЗНЬ

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

*С благодарностью моему другу Сергею Минаеву,
при помощи которого увидела свет эта книга.*

*Sometimes, my mother thinks that I'm genius.
Забавная надпись на чьей-то футболке*

*В человечестве дурной инстинкт сильнее
доброго.
М. Жюли/ Диалоги в аду*

Вместо пролога

Этот ненужный и откровенно тревожный звонок застал меня в «Бед Кафе», затерявшемся среди белоснежной мебели и таких же арктически белоснежных скатертей, как раз между ризотто и чайником вожделенного «молочного» чая. Я заканчивал обед, и телефон, находившийся в кожаной сумке «Emporio Armani», периодически напоминал о себе коротким жужжанием, ибо его адскую стоголосую полифонию

я выключил, как не способствующую пищеварению. Но нормально пообедать в тот день мне не удалось. Во всяком случае, мирное и степенное чаепитие, на которое я рассчитывал, вышло суетливым, я обжег небо двумя глотками кипятка, чай в котором так и не успел завариться. И все из-за ненавистного телефона, его непрерывного жужжания в течение пяти минут! Я с нарастающим раздражением слушал этот назойливый шмелиный звук. Ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж... Твою мать, а! Кому это я так понадобился?! Я, обыкновенный, уволенный три месяца назад за откаты закупщик! О, Господи! А вдруг с домашними что-нибудь случилось?!

Я суетливо рванул молнию на сумке и решительно запустил в ее чрево руку. Тут же оцарапал пальцы о какой-то ключ, рука на мгновение обхватила что-то прямоугольное. Нет, это не жужжит. Этот картонный параллелепипед не что иное, как упаковка особо тонких презервативов Contex. Они тоже жужжат, конечно, но их перед этим надо натянуть и вставить. Такое жужжание мне больше по душе. Вот наконец-то и телефон. Надо же! Все еще никак не заткнется. Посмотрим, кто это такой упорный?

На дисплее «Nokia» пульсировала фамилия «Присовкин». Кто такой этот «Присовкин» и как его такая идиотическая фамилия попала в адресную книгу моего телефона, я не помнил. По-моему, какой-то мудака, под стать своей фамилии. Трезвонит больше пяти минут, как будто уверен в том, что я обязательно возьму трубку. Ладно, черт с тобой.

Считай, что ты мне присунул, партнер.

– Алле!

– Ой! Ой! Марк! Это ты?!!

– Ну, типа, да. А что за дела?

– Марк! Я тебя очень прошу, не клади, пожалуйста, трубку!!!

– Да я и не собираюсь, не парься. Ты хоть кто такой? Что это за фамилия какая-то странная у меня высветилась?

– Да это я! Коля Присовкин! Не помнишь? Компания «Алко-трест», руководитель отдела сетевых продаж! Ну, еще водка у нас есть, «Гуревич». Помнишь?

– Ага. Начинаю вспоминать. Все. Вспомнил. Привет, Коля Присовкин! Можешь пожелать мне приятного аппетита. Хотя уже неактуально, если честно... Так что ты хотел? Я тебя слушаю!

– Марк, у меня к тебе серьезный деловой разговор.

– Коля, когда я слышу слова «деловой» и «серьезный», то мои ноздри начинают раздуваться от алчности. Ты такой разговор имеешь в виду? Другими словами, ты хочешь дать мне денег?

– Да! Да! Именно так! Я хочу предложить тебе сделку! Очень выгодную! Тебе ничего не придется делать!

– Звучит интригующе. Я уже ощущаю зуд на кончиках пальцев. Разговор, надо понимать, не телефонный?

– Разумеется! Нам необходимо срочно встретиться!

– Николай, не вижу препятствий. Я в «Бед Кафе». Подъ-

езжай прямо сейчас. Я подожду.

– Где, где? В каком кафе?

– В «Бед». Я в «Бед Кафе».

– Э-э-э... А где это?

– Ага. Понятно. Это станция метро «Улица 1905 года».

– Так, а дальше?

– Дальше? Там напротив метро есть «Макдоналдс».

– Ага, знаю!

– Молодец! Вот если ты стоишь спиной к его входу, то тебе надо перейти через дорогу и немного пройти по тротуару до клуба «Шестнадцать тонн». Рядом с ним «Бед Кафе». Найдешь меня внутри. Ты скоро будешь?

– Ну, я не могу сказать точно. У нас офис на Таганке. Пока пробки, туда-сюда... Минут через сорок, устроит?

– Ну, давай, Коля. Я пока тут телевизор посмотрю. Он здесь большой, щуриться не надо.

– Лечу уже!

Человек с некрасивой фамилией отключил связь, а я стал вспоминать, где наши пути пересекались. Вспомнил. Этот Коля привозил мне двадцать штук за пару позиций водки. Я тогда все сделал красиво: двадцатку оприходовал, водку ввел в ассортиментную матрицу. Вчера заходил в один из своих бывших магазинов и видел ее там. Стояла на полке полным рублем! Чувство гордости испытываешь, когда видишь товар, который ты явил миру, получив за свои труды скромную компенсацию. Интересно, что ему понадобилось? Ведь я уже

месяца три, как не в деле.

Сорок минут пролетели. И потом еще пятнадцать. А затем за моим столом возник Коля: коренастый тридцатилетний человечек роста «метршестьдесятпять». В сером мешковатом пиджачке. В грязноватых тупорылых ботинках. В каком-то галстуке, вроде в полоску. С брюшком и вторым подбородком. С портфельчиком made in Turkey for FENDI и часами «Tissot». В общем, менеджер по продажам. Среднее звено. Ну, валяй, Коля. Рассказывай.

– Привет, Коля. Как добрался?

– Извини, Марк, такие пробки... Я по делу.

– Я понял. Будешь что-нибудь?

– Нет, спасибо. Я так нервничаю, что о еде даже не вспоминаю.

– Отчего же? Что так гложет уважаемого руководителя отдела сетевых продаж?

– Ты понимаешь, тут такая неловкая ситуация вышла с этой нашей водкой. С «Гуревичем» этим.

– Стоп, стоп, стоп. Я все условия выполнил. И если ты о том, чтобы я вернул вам деньги, то я...

– Нет, нет! Что ты! По тем двум позициям у меня и у руководства вообще вопросов нет!

– А в чем тогда проблема?

– Марк! Проблема в остальных пяти. Помнишь, мы вели речь о вводе в ассортимент семи позиций? Ты сказал, что сначала сделаешь две, а потом остальные пять.

– Но ведь меня потом уволили. Я и тебе, по-моему, говорил тогда об этом? В чем же дело?

– Марк, ты извини, но я тогда у своих учредителей взял полтинник для ввода этой водки.

– Так, так, так, а ну-ка подожди. Но как же ты хотел решить вопрос, если я уже не работал?

– Да ты понимаешь, бабки были очень нужны. В новой квартире не на что было ремонт заканчивать. Ну, я и взял. Как бы под твое имя, понимаешь?! Ну, а потом тебя уволили, а учредители стали с меня деньги требовать. Ведь водка-то не попала в матрицу!

– А ты?

– Ну, а я им мозги пудрил, что я тебя ищу.

– Ты сегодня первый раз мне позвонил. Телефон я не менял. Разве ты меня искал?

– Да нет. Не искал, конечно. Я думал, все как-нибудь само собой уляжется, а они, учредители мои, сказали, чтобы твоими поисками СБ занялась. А эти быстро найдут. Прикинь, они бы тебя нашли, а ты не при делах! Ну, я бы и влип! Вот я тебе и позвонил. Спасибо, что ты меня выслушал!

– Коля, когда речь идет о пятидесяти тысячах долларов, то ничего само собой никуда не укладывается, понимаешь? То есть ты хочешь сказать, что ты без меня меня же и женил?

– Ну, Марк, ну, зачем ты так? Ведь всякие ситуации случаются, понимаешь? Мне бы сейчас сухим из воды выйти.

– Что же ты мне хочешь предложить?

– Марк, я бы тебе дал сейчас полтинник этот и сверх того еще пять тысяч долларов, а ты бы позвонил моему учредителю, Магомеду Аббасовичу, и сказал бы ему, что согласен вернуть деньги. Потом бы сам привез их к нам в офис, и все остались бы при своих, а ты бы «Петра» ни за что поднял.

– Ни за что, говоришь?

– Ну, а что там особенного делать-то?! По телефону один раз позвонить да на Таганку проехать. Марк, выручи, а?

– А как ты думаешь, сколько под мое имя вот так бабок спиздили такие же, как ты?

– Да я же не пиздил ничего, что ты...

– Как же ты не пиздил-то, Коля? Мне ничего не сказал, долю не занес, а деньги у своих собственных учредителей под меня скрысил. Красавчег ты, Коля.

– Марк, ну, зачем ты так?

– То есть ты хочешь сказать, что твое имя – это символ анальной непорочности, а мое давно втоптанно в говно, и мне особенно париться не за чем?

– Марк, нет!

– Да ладно... Релакс, Коля. Знаешь, что я подумал? Надо тебе помочь. Помогу я тебе, пожалуй. Давай сюда пятьдесят пять штук и телефон своего Аббасовича.

– Марк, ты просто золото, а не человек!

– Ты так думаешь? Не все то золото, что блестит, чувак. Давай бабло и номер. И вали отсюда, пока я тебе в бубен не накатию. Комбинатор хренов.

– Спасибо, спасибо! Вот денежки-то, вот. И номерок вот.

Присовкин, словно включил заднюю передачу, испуганно попятился к дверям и вскоре исчез, оставив после себя запах несвежих носков и следы жирных пальцев на арктически белой скатерти. Я кинул «котлету» в сумку, повертел в руках бумажку с телефоном, усмехнулся. Поджег листочек от пламени свечки, горевшей на столике, и кинул его в пепельницу. Не дождется Магомед Аббасович моего звонка. Я ему ничего не должен. А вот Коля Присовкин чуть было и впрямь мне не присунул. Вот сцук! Ну, ничего, Коля. Сумел спиздить, сумеешь и отработать.

– Алле, Коля?

– Да, Марк, да, это я!

– Слышь, Коля, а ты чего вообще хотел-то, чего звонил?

– В смысле?

– Ты мне звонил часа полтора назад, ты чего хотел-то?

– Э... Ты так шутишь?

– Да нет. Что мне шутить? Так ты квартиру-то отремонтировал?

– Да, конечно! На выходных со своей подружкой собираемся за техникой ехать и кухню выбирать.

– О как! Видишь, как у тебя все правильно-то: «техника, кухню выбирать». А знаешь, что я тебе скажу? Пошел ты на хуй!

– Как это?

– А как хочешь. Не звони мне больше, ладно? А за бабло

тебе спасибо. Оно нелишнее.

– Да ты что! Да ты что же делаешь-то, сволочь! Да я! Да я тебя!

– Не советую. С дырявой головой будешь гулять. Пока, Коля...

Часть I

МИЛЛИОН И ВСЕ, ВСЕ, ВСЕ

Ну, типа, здрасьте!

– Милый, тебе понравилось в Голландии?

– Нет. Мне не понравилось в Голландии.

– Что, вообще ничего не понравилось?

– Вообще ничего.

– Но так не может быть! Ведь обязательно должно было встретиться хотя бы что-нибудь интересное: красивый дом, ландшафт там, ну не знаю, блюдо какое-нибудь вкусное в ресторане, в конце концов.

– Может быть. Я просто не помню.

– Почему? Как это?

– Я просто не понимаю, как можно помнить что-нибудь после Голландии. Я вообще ничего не помню. Мне это не нравится. Поэтому и в Голландии мне не понравилось.

– Что же ты там такое делал, что ничего не помнишь?

– Что можно делать в Голландии?

– Что?

– Не помню.

– Да ну тебя!

– Ну, прости. Прости меня. Не дуйся. О! Я вспомнил! Вспомнил! Я тебе расскажу, хочешь?

– Конечно, хочу! Мне интересно! Ты всегда, когда приезжаешь откуда-нибудь, то много рассказываешь, а сейчас натурально валяешь дурака. Давай же, рассказывай, я слушаю!

– Ну, вот, значит: один журналист работал всю жизнь в провинциальной маленькой газетке, но вдруг ему улыбнулась удача, и его пригласили в столицу работать в большом солидном еженедельнике. К концу первого рабочего дня вызывает его главный редактор и говорит:

– Мы хотим дать материал о деревне. О людях, что живут в ней, об их интересах, развлечениях и тому подобное. Городскому читателю будет интересно узнать об этом. Вы у нас человек новый, приезжий из глубинки. Так кому же, как не вам, заняться сбором материала? Вот вы и поезжайте в деревню! Разузнаете там все, что нужно, напишете хорошую большую статью, а мы ее сразу напечатаем, и вы, так сказать, пройдете «боевое крещение» в нашей газете. Согласны?

Журналист говорит:

– Согласен.

– Ну, тогда вам срок неделя. Берите в кассе командировочные и поезжайте.

Приехал этот журналист в деревню. Видит: стоит этакий уютный домишко с палисадником, а на лавочке перед домом сидит дедуля. Журналист к нему подходит, знакомится и начинает вопросы задавать:

– Дедушка, вы всю жизнь в этой деревне живете?

– Да, сынок. Всю-то я свою жизнь живу в этой деревне.

– А вот расскажите мне о самом радостном событии в вашей деревенской жизни.

– Это можно. Была у меня корова три года назад. Прекрасная корова! Умная, покладистая, красавица просто, а не корова! Молока от нее было, ну, прямо целое море. И вдруг она взяла да и потерялась! Я, конечно, пошел ее искать. Везде искал: и в овраге, и в лесу, и в поле, нигде ее нет. Весь день искал, всю ночь искал, а на следующий день вся деревня стала искать. Искали, искали и к вечеру нашли! И тут так все обрадовались, что на радостях всей деревней отымели корову!

– Дедушка, да вы в своем уме-то? Я ж вам говорю, что я из серьезной газеты, мне что-нибудь приличное надо написать, а вы тут со своей зоофилией! Ну, хорошо... Попробуем еще раз. Давайте-ка расскажите о действительно интересном и радостном событии из вашей деревенской жизни.

– Ладно, сынок. Была у меня два года тому назад коза. Прекрасная коза! Умная, покладистая, красавица просто, а не коза! Молока от нее было, просто целое море. За ним ко мне вся деревня ходила. И вдруг коза взяла и потерялась. Я, конечно, пошел ее искать. Везде искал: и в овраге, и в лесу, и в поле, нигде ее нет. Весь день искал, всю ночь искал, на следующий день вся деревня стала искать. Искали, искали и к вечеру нашли! И так обрадовались, что на радостях всей

деревней отымели козу!

– Не, ну дед, ну, ты чего, а?! Издеваешься надо мной, что ли?! Я тебе еще раз говорю, что я из серьезной газеты, мне что-то приличное надо написать, а ты тут со своей зоофилией: то у вас корову того, всей деревней, то козу... Получается, что вы тут все скотоложцы какие-то! Ну, хорошо... Пойдем методом от противного. Вот вам такой вопрос: а что самое неприятное произошло в вашей деревенской жизни?

– Да. Было такое. Как сейчас вспомню, так до сих пор жутко. Было это год назад. Пошел я в лес за грибами да и сам потерялся...

– Ха-ха-ха! Смешно. А при чем тут Голландия-то?

– Не помню.

– Да прекрати ты дурачиться-то. Вот возьму и обижусь на тебя.

– Да ладно, не обижайся. Знаешь, как перевести на английский язык фразу: «Он заслонил ее»?

– Как?

– Не elephanted her.

– Ха-ха-ха! Дай я тебя поцелую.

– Люблю тебя, иди сюда...

Мы лежим на кровати и отдыхаем. Она закинула на меня колено и прижалась сбоку. Я обнимаю ее за шею и рассеянно глажу горячие от недавней любви волосы. Мы лежим с ней так, без всякого движения, примерно полчаса, потом окончательно остываем, целуемся, и она медленно уходит в дет-

скую: дочь категорически отказывается спать одна, и если, проснувшись, не обнаружит ее рядом, то испугается. Я натягиваю носки: так легче заснуть и гарантированно проспать положенное до звонка будильника время. Он поднимет меня в семь, и я пойду будить ее, затем еще на час отключусь. За это время она как раз приведет себя в порядок, позавтракает и разбудит меня перед своим уходом на работу. Я люблю смотреть на нее в те последние несколько минут, остающиеся до хлопка двери: на лице целеустремленное выражение, отличный мейкап, ненавязчивые духи «Premier Joug» и деловая одежда. Такой ее постоянно видят другие, а я могу видеть еще и выше колена и ниже выреза кофты.

Я шел к таким вот спокойным, по-обывательски простым, но от этого особенно дорогим будням очень долго. Число «9» – покровитель и символ всего человеческого – никак не хотело жить со мной в мире. Мне ближе было число «137» – символ смерти. Гадкое и нехорошее, означающее тревогу и крушение надежд. Тогда, когда над моим рассудком нависла реальная угроза помешательства и мнительность затмила собой здравый смысл, то свыше мне была послана женщина, которая спасла мой мозг от полного разрушения. Но она же явилась разрушительницей моей первой семьи. Не стану этого отрицать, но, в конце концов, я не жалею, особенно когда вспоминаю события трехлетней давности.

Это было время крушения надежд, время скандальных увольнений и моего унижения. У меня и сейчас закипает

кровь при воспоминании о некоторых начальничках, с которыми мне довелось работать. Теперь я понимаю, что это был как раз тот самый хлеб стыда, описанный в Каббале. Но ее я открыл для себя лишь совершенно недавно, а вот тогда... А тогда я пил. Пил много и страшно. Был жалок наедине с самим собой, да и на людях мой взгляд совсем не излучал уверенности, а, скорее, походил на взгляд брошенной и побитой палкой собаки. Я был клоун, грустный клоун, который и сам не прочь был посмеяться над собой. Мне надоело чувство собственного достоинства, и я запрятал его в глубине души с ярлычком «до востребования». Ах, если бы оно только настало – это «востребование»! Одевшись в кокон безвременья и монотонности, я выкинул наружу свои шутовские бубенчики и колокольцы и поплыл по какому-то течению потока между бытием и небытием... Итак, шла очередная неделя моей ранней пенсии. Активность покинула меня, уступив место сплину. Каждый день я отвозил в школу старшую дочь, и даже это немудреное занятие напрягало меня, лишало сил и охоты двигаться. Однообразие моих рассветов я стал компенсировать содержимым гаражного бара, стараюсь, впрочем, держать себя в руках и не приближаться к состоянию невменяемости. Между легким искажением реальности, которое дает небольшая, или, как я ее называю, «рабочая», доза алкоголя, и моментом, когда возле ног вспучивается земля, открывается люк под номером 137 и на свет появляется Джубадзе, довольно много шагов. Иногда тропа,

по которой можно сделать эти шаги, вдруг становится ясно видна и превращается в быстродвижную резиновую ленту транспортера амстердамского аэропорта, вставая на которую совершаешь мягкое, но ощутимое ускорение. Тогда, без вмешательства внешних источников, путь по тропе иногда заканчивается гладкой стенкой, отпружинив от которой оказываешься в кровати и засыпаешь, а иногда, встретив других таких же, как и ты сам, идущих, можно встретиться и с Джубадзе...

Джубадзе – мой личный демон. Как известно, каждый из нас, рождаясь, получает в постоянные спутники двоих: ангела и демона. Первый занимает место на правом плече и напоминает деревянную сирену на носу корабля «Арго». Второй утверждает на левом плече, рядом с ухом, и нашептывает своему носителю дорогу в лабиринт без выхода. Чем правильнее, с точки зрения сидящего на левом плече, ты движешься, тем тяжелее он становится и быстрее стареет. В этом Божий промысел: для каждого обычного человечка положен только один демон, и, чем дальше ты идешь в лабиринте, тем быстрее он тяжелеет, обжираясь твоей сущностью, но и удержаться на левом плече при этом ему все сложнее. Тогда, не желая постоянно крутиться, выбирая удобную позицию, демон спрыгивает с плеча и становится спутником человека, который может двигаться вокруг ядра своего бытия по двум орбитам: круговой и эллиптической. Но это не всегда так. Джубадзе – демон земли и живет в земле. Он никогда не лю-

бил поверхности. Здесь у него нет пищи и тяжело дышится, поэтому когда он совсем вырос и стал слишком тяжелым, то слез с моего плеча, оставил вместо себя специальный детектор алкоголя с УКВ-передатчиком и спустился под землю. Он давно понял, что моя самая большая слабость – это выпивка, и детектор реагирует на определенную дозу спиртного, как правило, очень большую. Тогда Джубадзе вылезает из-под земли, стряхивает с куртки «Columbia», которую предпочитает любой другой одежде, земляные комья, кряхтя залезает на левое плечо и начинает загонять меня в лабиринт.

Как-то в четверг я начал пить очень рано: уже в одиннадцать дня во мне бултыхалось что-то около 500 граммов «Chivas Regal», преступно разбавленного колой. О руле и думать было нечего, и за дочь пришлось ехать на автобусе. По дороге туда и обратно я опустошил четыре поллитровых банки какого-то пойла-в-банке-из-ларька, кажется, «джинтоника». Придя домой и выпив стакан коньяка, я дождался возвращения жены и двинулся на встречу с другом детства. Друг этот работает в милиции, дослужился уже до подполковника, что в тридцать три года означает очень хорошую карьеру, и занимается тем, что сажает милиционеров. «Дело оборотней» – это во многом его работа. Живет он при этом в общежитии какого-то института, который никак не может закончить его жена из-за того, что постоянно находится в академическом отпуске по причине беременности. Име-

ет, кстати, троих сыновей: Петра, Александра и Павла. В общем, личность весьма противоречивая и тоже не дурак выпить. Мы сидели в квартире моих давно умерших родственников, пили вискарь «Glenfiddich», прихваченный мной из дома, и закусывали мясными нарезками из ближайшего супермаркета. Звонок совершенно неожиданно оторвал нас от задушевной беседы. Звонил еще один мой друг, алкогольный олигарх, большой любитель японской кухни и выпивки, и уже через полчаса мы сидели в японском ресторане «Асахи» на проспекте Мира, уплетая гедза – японские пельмени и жареное мраморное мясо. Вначале ничто не предвещало ссоры: сидели, пили «Kirin» и горячий сакэ из фарфоровых графинчиков, довольно гоготали, отпуская пошлые шуточки по поводу официанток. В конце концов мочевого пузыря возвестил мне о конце первого периода товарищеской встречи, и я оказался в туалетной кабинке. Мысль об опорожнении желудка улетучилась потому, что кафельная плитка внезапно съехала в сторону, и появился глаз Джубадзе. Крякнув, я поспешно заправил член в штаны и покинул кабинку. Вернувшись к столу, я как-то потерялся, понес околесицу, довольно обидную, видимо, впрочем, не помню... Но факт остается фактом – сначала обиделся милиционер, плюнул в пиво и ушел. Затем насупился олигарх, а потом, холодно пожелав «всего», расплатился, извинился перед менеджером ресторана, вывел меня за руку под дождь. Проворно запрыгнул в свой олигархический черный катафалк и был таков. Я

остался один на сырой улице и, пошатываясь, поплелся домой...

Дорога к дому была долгой, около сорока минут. Я осилил примерно половину и ощутил мучительные позывы к дефекации. Повертев головой, так и не обнаружил подходящего места для этого, требующего максимального интима, процесса. Слегка поскучав и посетовав вслух на отсутствие подходящей подворотни, я обратил внимание на приоткрытый подъезд двадцатиэтажного дома. Подошел поближе, вошел, буркнул заспанной консьержке: «Я к Вороновым» – и сел в лифт...

Лифт оказался грузовым, просторным и, нажав на кнопку двадцатого этажа, я стал плавно подниматься, предвкушая облегчение кишечника где-нибудь на чердаке или на лестнице черного хода сразу же после того, как выйду из лифта... Моим надеждам не суждено было сбыться: лифт внезапно остановился где-то очень высоко. Я в отчаянии стал пытаться открыть автоматические двери, но их прочно заклинило. Кнопка вызова лифтера, естественно, ответила насмешливым молчанием, и я понял, что влип...

Мои вопли и удары ногами по стенам и дверям злополучного лифта не возымели действия, ни один из обитателей дома не рискнул выйти и поинтересоваться – что за пьяные вопли несутся из шахты. Желание облегчиться стало непереносимым: кряхтя и сквернословя, я отошел в угол каби-

ны, спустил штаны, принял позу знака «больше» или, может, «меньше» (никогда не был силен в математике) и изверг мощную зловонную струю, стараясь не попасть на одежду и ботинки. Дерьмо оказалось жидким и немедленно начало просачиваться тяжелыми каплями в щели лифта, наполняя шахту и кабину тяжелым зловонием. Я с наслаждением перевел дух. Вопрос, чем подтереться, ранее не возникший, теперь встал со всей остротой. Решив остаться в трусах, я принес в жертву футболку, отрывая от нее по куску. Сев в противоположном уделанному дерьмом углу, я загрустил и стал думать о том, как низко я пал, проделав за сравнительно короткий срок путь от преуспевающего толстого менеджера до осунувшегося небритого алкаша, местом ночлега которому будет служить уделанный собственными фекалиями лифт. Внезапно свет в кабине стал мигать, а потом и вовсе погас: «Замкнуло от дерьма», – подумал я и почему-то всхлипнул...

Помощь пришла неожиданно: лифт вдруг пошел вниз, остановился на третьем этаже и открылся. Я вышел, щурясь от яркого света, спустился на первый этаж по черной лестнице и вышел вон из злополучного дома. Перед ним стояла обыкновенная замызганная вазовская «пятерка» с надписью «ОТИС» на дверце. Я подошел ближе, нашаривая в кармане сторублевку в знак благодарности своему освободителю, наклонился, и слова застряли у меня в горле: сквозь грязное жигулевское стекло я увидел эмблему «Columbia» на рукаве,

измазанном землей...

Подобные видения, а что это было еще, если не галлюцинации приконченного алкоголем сознания, приключались со мной все чаще и чаще. Утро каждого моего дня в ту пору начиналось так: проснувшийся мозг безжалостно напоминал мне о моем незавидном положении, а открывавшиеся вслед за этим глаза искали недопитую с вечера, оставленную в забвенье где-то бутылку коньяка.

За окном стояла янтарная сентябрьская осень. Пить дома мне не разрешали. Жена по-своему боролась с моим пристрастием: она вырывала у меня из рук бутылку, как правило, виски или, реже, коньяка и безжалостно выливала ее содержимое в унитаз. Я, понимая, что скатываюсь все ниже, робел и безропотно отдавал ей выпивку для расправы, но иногда мной овладевала дикая ярость: от нее я начинал зеленеть и набрасывался на несчастную супругу с кулаками. Ну да, разумеется несчастную. О каком счастье может идти речь для женщины, если она живет под одной крышей с безработным алкоголиком и этот безработный алкоголик – ее муж.

Потом я стал уходить из дому по утрам и весь день проводить в гараже или, чаще, возле него, посиживая в раскладном кресле-качалке, попивая какую-нибудь дрянь из банки или бутылки и вспоминая лучшие дни. Точнее, пытаюсь вспомнить. Мою память тогда окутала настолько плотная пелена, что ничего хорошего на внутренний экран не проеци-

ровалось, а в ушах постоянно звучал кипеловский «Закат».

И пусть говорят, что «это не для всех», а я считаю и умру с тем, что союз Пушкина – Кипелов – это лучший союз поэта и исполнителя во всем русском роке с самого его рождения.

Пидоры и Маргарита

Света жалела меня. Она была рядом тогда, когда мне особенно нужно было чье-то внимание. Она вела себя как мама: не корила, не бранила меня, иногда она плакала... Можно трактовать это как проявление лучших чувств, явление душевной чистоты, заботу о ближнем, но... Предмет, которого мы чаще всего лишаемся, перейдя из несознательно наивного детства в строгий режим взрослого мира, – это не девственность, нет. Хотя с ее утратой, пусть, на первый взгляд, лишь физиологической, прекращается, рвется ниточка связи со светлой Богиней юности Иштар, да и потерять девственность невозможно лишь физиологически. Само это слово, оно словно течет, как молочная чистейшая река, через хрестоматийный кисель, нет в этой реке места для чего-то, что кровоточит плевой или саднит надорванной уздечкой. Убийство всегда кроваво, как и самоубийство, а потеря девственности – это, если угодно, предтеча самоубийства. Вот уж как никогда здесь верна догма о реке, в которую нельзя войти дважды.

Так вот о предмете – это «розовые очки». И я свои забыл где-то, а может, и потерял. Скорее всего, они свалились с носа, упали где-то на дорогу и были раздавлены чьей-то туфелькой, кажется «Byblos», и поэтому, взирая на все проявления заботы, любви, на все эти земляничные поляны со-

чувствия, я прекрасно понимал, что ей просто очень нужно, прямо-таки необходимо устроить собственную жизнь. Что, выбрав меня отцом своих детей, она уже никогда и ни перед чем не остановится. Что нет той стены, сквозь которую она не могла бы пройти в этом всепобеждающем стремлении обрести статус замужней женщины.

Женщины, дорогие мои, я хочу обратиться к вам: почему вам так важно звание «официальной жены»? И вот только не надо говорить, что я не прав, хорошо? Да, не спорю, среди нас есть моральные уроды, променявшие нормальную семью на суперкарьеру, профессиональное сердцеедство, извращенную форму однополого секса и на прочие социальные эрзацы нашего времени. Но сколько таких среди вас? Наверняка такое же количество, как и педерастов среди нас, мужчин. Если верить педерастам, то их никак не меньше 5% от всей мужской братии, то есть 5% геев, имеющих дело с фекалиями гораздо чаще, чем профессиональные ассенизаторы. Интересно, распространяются ли эти 5% на младенцев, не осознающих себя геями, и пенсионеров, которые, по видимому, живут воспоминаниями о своем страстном пути анальных мачо. Мне, как человеку, который как-то не доверяет педерастам, хочется верить, что 5% – количество, сильно завышенное самими же педерастами, чтобы казаться значимей. Так вот, наверное, и вас, таких «неправильных», совсем не много. И знаете что? Я вам желаю счастья! Желаю, чтобы ваша неправильность в конце концов изжила самое се-

бя. Прошла бы, как проходит ангина, и желательнее в репродуктивном возрасте. Поверьте, что должность «мама» лучше любой другой должности на свете, а карьера счастливой жены – это лучшая карьера. Впрочем, вы можете сказать, что все это ерунда и мужской род стал слабоват. Так тем более я буду прав, так как вовсе не веду речь о «первом встречном». Отношения, брак – это такая штука, в которой мало «хотеть». Нужно еще и «мочь».

Мой брак начался, когда мне не было и двадцати, и зародился он на руинах брака моих родителей. Одно словно выходило из другого, и, очевидно, болезнь матери передалась отпрыску. Просуществовав двенадцать лет, брак мучительно заболел и почти скончался. Лежит бедняга, жизнь в нем еле теплится, но отключать его от систем жизнеобеспечения я как-то не тороплюсь. Слишком многое, целая жизнь уйдет тогда без возврата, а я не хочу этого, не хочу, да и не могу сделать часть своей жизни недействительной. И если я не могу вспомнить ничего хорошего – это не потому, что ничего хорошего в браке не было, а потому, что у меня банально плохо с памятью...

Все началось очень давно. Было мне тогда 18 лет, и я стал студентом социологического факультета МГУ. Диковато быдловатый юнец, полутипичный выходец с московской окраины. Начитанный, но начитанный бессистемно, подкачаный, но невыносливый, нагловатый, но не дерзкий, а даже немного трусливый, вороватый и так далее. «Картошка»,

первые аккорды на гитаре. «От границы ключ, переломан пополам», разносившееся над колхозными полями, и Маргарита... Студентка философского факультета. Для кого-то уже одно это будет исчерпывающей характеристикой. Для того, кто знает, что это единственный факультет, куда допускается прием абитуриентов с «легкими» психическими отклонениями. Она такая загадочная на первый взгляд, такая интеллектуальная. Мне так интересно было тогда с ней. Меня сжигала эта псевдолюбовь. Все эти полувздохи, все эти недосказанности и ночные многочасовые телефонные разговоры о высоком, особенно после всех этих Ксюш и Танюш – маленьких сисястых куркулих из вольного города Перово, раздвигавших ноги под собственное бубнение о замужестве и о том, что «подружка опять залетела, такая дура, ваще». А потом пелена с глаз спала вместе с первым минетом. Высокого в отношениях оставалось все меньше, понтов от Маргариты все больше. Дурочка возомнила, что может вить из меня веревки и манипулировать, как ей угодно, но что-то или кто-то, кто всегда заставлял меня поступать так, а не иначе, наверное, тот, кто сидит справа от Джубадзе, нашептал мне однажды нужные безжалостные слова, и Маргарита так и не нашла во мне своего Мастера. К слову сказать, она ищет его до сих пор. Она стала такая умная, окончила еще один факультет МГУ, психологический, и работает по специальности в какой-то бюджетной шарашке. Психолог, мать ее... Я встретился с ней как-то осенью 2004 года и был поражен тем,

что «психолог», ничего не знавший о семейной жизни, о взаимоотношениях детей и родителей, прихлебывая «Martini», бывший вместе с другим алкоголем у нее в большом почете, с ходу начала давать мне наставления о том, «как надо» воспитывать дочь. Я не стал слушать, а зачем-то жестко прервал ее, высказав свою точку зрения на воспитание собственной дочери. На этом мы и расстались, и надеюсь, что уже навсегда.

Однажды холодным сентябрьским вечером 1992 года я вышел в свой унылый перовский двор. Мне некуда было податься, и я бесцельно нарезал круги, напевая тот самый кусочек из «Чайфа», про то, как «разливал в стаканы я «Киндзмараули» и «не со мно-о-о-й ты, не со мно-о-й». Меня охватило блаженное ощущение депрессии, которое так вставляло в юности и которое так тяготит меня теперь, проев, подобно кислоте, серьезные бреши в моем сознании. Да-да, раньше, в «добрачный период», я почти искусственно вызывал у себя эту сладкую маету, под которую так хорошо курилась сигарета и пился Smirnoff – мое любимое пойло в то время. Любимое и такое редкое, ибо Smirnoff тогда продавался только в «валютках». Были такие «магазинчегии для KRUTых»: аналог сталинских торгсинов, как их описывает Булгаков. Помните, когда Бегемот и Коровьев приходят в Торгсин и устраивают в нем тарарам, попутно вбивая в кадушку с сельдью керченской отборной задницу жулика, выдающего себя за иностранца, а на самом деле какого-нибудь

цеховика-кустаря или просто начальника вагона-ресторана. Интересно было бы узнать у автора, кем же на самом деле был этот «фиолетовый иностранец»?! Но не узнаем, не узнаем мы с вами об этом никогда, ибо находится Михаил Афанасьевич «в местах столь удаленных, что выволить его оттуда не представляется возможным». Я, впрочем, надеюсь, все же узнать. Позже увидимся, может быть...

Итак, я жаждал общества, общества кого-то, кто сможет понять и принять меня с моим смешным горем, которое казалось тогда для меня огромным и наиболее значимым, чем что бы то ни было. И я направился к телефонной будке, которую в то время еще не снес Кес...

Адские одноклассники и Дима Христос

Подмосковье, где-то недалеко от Ногинска. Зимние сумерки наступают еще раньше, чем обычно, потому что идет метель. Очень сильная, густая, пронзительная метель, и кажется, что эти летящие со скоростью пули снежинки никогда не коснутся земли, а вот так и будут лететь по одной им известной траектории и в конце концов вновь вернуться на небо в этом белом и бессмысленном хороводе. Я иду по огромному белому полю, вокруг ничего не видно, и лишь из-за леса изредка падают багровые отблески солнца. Потом и они уже перестают появляться, и мир вокруг меня начинает стремительно погружаться во мрак. Подсознательно не желая оставаться в этой холодной мгле, я закуриваю сигарету, зажимаю ее в кулаке, и согревает меня эта маленькая красная точка и дарит иллюзию защитного круга. И, точно как в дьявольской хрестоматии, за границей этого круга начинают свою inferнальную пляску бесы. Колючие снежные стрелы впиваются мне в лицо, я начинаю вглядываться в лики танцующей нежити. Неужели?! Я узнал! Конечно, это он...

Мне тридцать лет, и все эти тридцать лет меня окружали люди. Почему-то так получалось, что все они оставили в моей душе след. С Валентином мы шли разными дорогами, но почти всегда хоть сколько-нибудь проходили рядом, на

расстоянии рукопожатия, или удара кулака, или автоматного выстрела. Мы учились с ним в одной школе с первого класса. Наше знакомство состоялось на торжественной линейке 1 сентября. Мы увидели друг друга первый раз в жизни и сразу подрались. Все остальное время, вплоть до выпускного вечера, соперничество между нами постоянно тлело, но я ему благодарен. Слышишь, Валек, я благодарен тебе! Если бы не ты, то я бы остался увальнем и тюфяком, а ты меня разозлил. Крепко разозлил, но плясать под твою дудку я так и не стал, как не стал и одним из вас. Помнишь, как ты однажды сказал мне: «Закон семьи Буханцевых: борзеешь – получи!» Было это, кажется, тоже в первом классе. А потом школьная десятка, которую я уже почти не помню. Я ходил в музыкальную школу, а вы бегали по улице допоздна. Ты, Хан, окончивший свои дни где-то на зоне Салехарда в возрасте 25 лет. Кес, Кисель, Серега Киселев – лучший футболист района, надежда всех физруков всех времен, бездарно спившийся и сторчавшийся. Он на каком-то ржавом угнанном корыте въехал в ту самую телефонную будку, влетев во двор на полном ходу. В будке находилась женщина, мать троих детей, а Кес был до того загашенный, что он даже не остановился, а перепав да еще по траектории детскую площадку, на которой, к счастью, никого не оказалось, вырвался на шоссе, и его еще долго ловили озверевшие «гайцы», стреляя ему по колесам и матерясь в громкоговорители. Я впервые переступил порог боксерского клуба, а вы зарабатывали свой авто-

ритет в уличных драках и пробовали курить. Я впервые влюбился в Юлечку Кравцову, ту самую, которая теперь замужем не то за премьер-министром, не то просто-министром Испании или Португалии, не помню, и ездил на электричке к ней в Реутово, а вас вызывали повесткой в ГУВД по делу об изнасиловании. А помнишь, как мы в последний раз буквально бились во время выпускного вечера? Лица у нас были похожи на томатные пиццы, и никто не смог нас разнять. А потом наши дороги разбежались. И вот как-то спустя пару лет я вышел из метро и увидел тебя, выталкивающего свое стосорокакилограммовое тело из «шестисотого» «Mercedes». Мы сдержанно поздоровались, и ты было начал разговаривать в этой поганой бандитской манере, но осекся и перешел на нормальный язык. Я сказал тогда:

– Валек, ведь у тебя нет будущего!

А ты, усмехнувшись, ответил:

– Зато есть настоящее.

А потом ты стал правой рукой в банде Мансура, которого застрелил СОБР во время штурма его квартиры. А еще через полгода вы сидели на хазе, в девятиэтажке на улице Молостовых, туда ворвались рубоповцы, все твои закинули руки за голову, а ты потянулся было за упавшей сигаретой и получил пулю в сердце. Валя, пока, Валя. Ты потанцуй со своими прозрачными корешами, а я еще поживу.

Вот кружится в хороводе призраков тот храбрец-ополченец, который выстрелил бабушке в глаз. А бабушка-армян-

ка ничего плохого не сделала, она просто стояла в голодной очереди, в голодной сухумской очереди за хлебом, а ты, подлец, ее убил ни за что. Зато быстро сообразил, что без суда и следствия тебя расстреливать не имеют права. Я твое мнение не учел, извини.

Был. Был такой эпизод в моей жизни, но пускай он так для меня эпизодом и останется.

Бесы кружатся, кольцо стягивается вокруг меня все плотнее и плотнее. Я уже чувствую их прозрачные ледяные пальцы на своем горле.

– А-а-а-а-а-а!!!

Толчок, свет, открыл глаза, будка прямо передо мной. Тьфу ты, опять лезет в голову черт знает что. Рывком дверь на себя. Где «двушка»? В прорезь ее. Так, кому звонить-то? Диме? Да пошел он!

Дима. Дима Румянцев. Человек, который всегда останется в моей светлой памяти. Еще один покойник из моей юности. Дима заслуживает того, чтобы посвятить ему несколько строк.

Димин отец в начале девяностых годов работал в администрации Ельцина. Жил Дима вместе с родителями на Новом Арбате в одной из «высоток», там, где сейчас находится «Спортбар». В этой квартире, не слишком шикарной по нынешним временам, но роскошной для начала девяностых, наша университетская компания собиралась довольно часто. Бывала там и Маргарита, которая с присущей ей дурью, так-

тично именуемой эксцентричностью, делала вид, что сейчас сиганет с перил общего балкона вниз, с высоты 23-го этажа – это был ее любимый трюк. Она забавлялась, видя, как я буквально зеленею от страха за нее, да и оттого, что я всегда боялся высоты. Мой постоянный кошмар, еще с детства преследующий меня во сне, – это короткий полет вниз, с крыши многоэтажного дома. Дима тоже любил заигрывать со смертью. Часто, слишком часто этот человек говорил о потустороннем, в глазах его постоянно жила печаль, он читал Библию и какие-то чернокнижные манускрипты. То ли на древнехалдейском, то ли на санскрите. А вообще-то, он знал восемь языков, а вместе с английским, который он выучил и стал прекрасно разговаривать на нем всего за полгода, и все девять. Человеком он был настолько неординарным, что я до сих пор не верю всем своим воспоминаниям, считая, что что-то на моем жестком диске преднамеренно приукрасило самое себя, а что-то само себя создало. Мы впервые встретились на последнем вступительном экзамене, и я поразился тому, какое отталкивающее впечатление произвел на меня этот худой бледный червяк. Именно так я подумал, когда впервые увидел его. На «картошке» мы познакомились ближе. Я тогда был одержим околумистическими идеями. Почитывал Гурджиева, Амфитеатрова, Блаватскую и, разумеется, Мильтона. В каком-то разговоре я ввернул словечко «сатана» и моментально поймал его заинтересованный, да что уж там, крайне заинтересованный взгляд. Он обратился ко мне

с чем-то, с чем-то таким, очень интересным для меня тогда. Я, вполне со знанием предмета, ответил. Это ему понравилось. Мы сели на какое-то бревно и проговорили запоем более четырех часов. Мы говорили и не могли надивиться на то, сколько в каждом из нас интересного друг для друга. Общие интересы. Что может быть благодатнее этой почвы, на которой зреют семена будущей дружбы. Япил из этого источника моего юношеского сумасшествия, и чем больше япил, тем более увеличивалась моя жажда. От общения с такими людьми наступает духовный передоз, продлить который и хочется, и страшно оттого, что понимаешь, что можно перейти некую границу и... не вернуться назад. Так вот, мы постоянно находились на этой границе. Каждая наша беседа заканчивалась подходом вплотную к самой черте. Оба мы чувствовали это и, как по команде, умолкали. Мало-помалу тема Люцифера, антихриста и прочей чернухи начала раздражать меня, ибо, несмотря на весь свой нигилизм, в душе я всегда был христианином, а Димино убеждение в собственных оккультных способностях вызывало у меня глухое раздражение. Причем Дима утверждал, что я одарен, «ну уж никак не меньше его». В своей секте, о которой я расскажу позже, он отвел мне почетное второе место. Однажды я решил проверить, просто ради шутки, прав ли он. Для этого я просто закрыл глаза и представил силуэт Диминого тела. На черном фоне немедленно высветились фиолетовым цветом зоны в районе почек, головы и легких. Особенно ярким фи-

олетовое свечение было в районе легких. Не ведая сам, что творю, я стал мысленно посылать в эту область золотые лучи-стрелы и обалдел оттого, что через несколько минут Дима, который до этого казался спящим, вдруг сел на соседней кровати, а спали мы в бараках, в спальнях по шесть-семь человек, и, держась одной рукой за голову, а другую положив на грудь, стал раскачиваться взад и вперед, тяжело дыша.

– Что с тобой?

– Не понимаю, что это, но я с трудом отражаю какие-то желтые стрелы, которые грозят впиться мне в грудь, – сквозь зубы ответил он.

Стоит ли говорить о том, что остаток ночи я не сомкнул глаз, переживая целую вереницу ощущений. Здесь было и недоумение, все еще граничащее с неверием в собственные силы, и воспоминания о чудесном излечении мною же на расстоянии Дианы Поздняковой, дочери погибшего впоследствии генерала Позднякова, которая была когда-то моей девушкой и однажды пожаловалась по телефону на серьезное недомогание, вызванное простудой, а я, любивший ее так сильно, пылающий к ней такой чистой и мощной страстью, никогда более не посещавшей меня, положил трубку, закрыл глаза, напрягся и мысленно исторг из себя силу, которая, как мне казалось, должна была бы помочь ей, и действительно, через полчаса она перезвонила и с изумлением сказала, что «все прошло». Под утро, когда я уже начал путать явь и забытые, я пришел к выводу, что все это зашло

слишком далеко, что я увяз в каком-то сатанинском промысле, и если я теперь же не вылезу из него, то не вылезу никогда. Утром я сказал о своих мыслях Диме, он посерьезнел и ответил, что мне пришла пора узнать «самое главное».

С торжественным видом Дима объявил мне, что он не кто иной, как «новый мессия», а я «апостол Симон, то есть Петр». Есть еще несколько «апостолов», и когда нас таких наберется определенное, он не знает, какое точно, количество, то мы совершим что-то очень важное и «всем нам будет очень хорошо». Признаться, я до сих пор надеюсь, что Дима не имел в виду необходимость предаться групповому анальному пороку...

Вот таким человеком был Дима. На первый взгляд – это, разумеется, персонаж палаты номер шесть, но поверьте мне, человеку, который знал его близко два с лишним года, – это был действительно великий человек. Да, в нем была трусость, лезть, какая-то «жалкость», но это был его «кожух», а вот внутри... И не надо тут стараться провести психоанализ, не поддается это психоанализу, уж поверьте мне! Слишком много было в этом человеке противоречий, недосказанности, категоричности и гордости. Во мне же, вопреки моему «апостольскому» предназначению, рос протест против Диминых убеждений. И вот однажды, во время нашей традиционной прогулки по вечерней Москве, где-то возле Политехнического музея я не выдержал и высказал Диме все то, что копилось во мне так долго. Я обвинил его в лжепророче-

стве и лжемессиянстве, смеялся над его аскетизмом среди окружавшей его роскоши, поставил его перед некоторыми, как мне казалось, доказывающими его неправоту фактами и почувствовал, как возле нас что-то лопнуло с оглушительным звуком. Взглянув в глаза Димы, я вдруг понял, что совершил, наверное, первую непоправимую ошибку в жизни: я потерял Диму навсегда. Без него было хуже, чем с ним. Его глаза выражали какую-то неподдельную скорбь, которую я с присущим мне цинизмом расценил как «театр одного актера». Он наклонил голову, вздохнул и, тихо проговорив: «Опять я ошибся», – ушел из моей жизни. Нет! Мы, разумеется, здоровались, о чем-то говорили, даже шутили. Но что-то, что мне потом так хотелось вернуть, ушло навсегда.

Мы сидели с Маргаритой в «Галерее» – дешевенькой, но милой кофейне на Лубянке. Она пила «Martini», а я сидел напротив, подперев руками подбородок, и слушал ее рассказ о страшной Диминой смерти. Маргарита и здесь оказалась верна себе. Вынеся свой комплекс старой девы на первый план, она поведала мне, что, после того как она дважды отказала Диме стать его женой, тот женился с горя на «какой-то бурятке» и уехал из Москвы «куда-то в сибирскую глушь». Там Димин папа, ушедший к тому времени из администрации Ельцина и возглавивший то ли банк, то ли еще что-то подобное, выстроил молодым большой красивый дом. Настоящее шале среди дивной прибайкальской природы. Однажды бурятка уехала куда-то по делам. Дима остался один, а в дом

залезли грабители-наркоманы. Они страшно избили Диму и кинули его в подвал, где он несколько часов пролежал на бетонном полу. Бурятка, обнаружив его, немедленно позвонила папе в Москву. Тот примчался на заказном самолете спустя несколько часов. Диму решено было везти тем же charterом опять же в Москву, но перелета он не перенес. Произошло все это в 2003 году.

От осознания того, что все эти годы, вспоминая Диму, я злобствовал и негодовал, порицал его, а его уже не было здесь, я заплакал. Искренне и без сил остановиться. Я вдруг понял, как много я потерял и как много я испортил тогда, у Политехнического музея. Иногда, когда мне бывает особенно грустно, когда я выезжаю по утрам в городскую суету, то, поднимая глаза и смотря в свинцовое московское небо, я вижу на нем лицо Димы. Он смотрит на меня так же, как посмотрел тогда, у музея, и я машу ему рукой, а он кивает мне в ответ.

Кач

Итак, Дима отпал сам собой. К тому времени сцена у Политехнического музея уже случилась, и конструктивизма, в случае подобного звонка, ожидать не приходилось. Оставался Кач. Ему я и набрал.

Кач – это прозвище, которое дал ему другой забавный персонаж. По имени Саша Кайданский, а по кличке Рязве. Если поменять слоги местами, то получается буквально Зверя, ну или Зверь, так он сам себя называл. Как показали впоследствии некоторые достаточно суровые события, звери тоже бывают разными. Этот тянул разве что на шакала, но об этом опять же позже.

А Кач «в миру» звался, да и зовется поныне, Женей. И это не менее забавный, чем Дима, субъект, но в своем роде. Еще один мой сокурсник, ставший после того памятно-го звонка моим родственником. Познакомились мы там же, в единственной поточной аудитории социологического факультета МГУ после вступительного собеседования по математическому анализу. Я и до этого замечал в коридорах факультета огромную треугольную фигуру с большим орлиным носом-клювом. Перед этой громадиной, как перед авианосцем, выводя его в открытое море, семенил маленький буксир, профессор Городецкий, заводя «авианосец» то в бухту «История – вступительный экзамен», то в гавань «учебная

часть», то в док «деканат», и, видимо, очень успешно, если мы встретились с ним после прохождения всех вступительных экзаменов и число вступительных баллов у нас было одинаковое. Как затем выяснилось, буксир «Городецкий» вывел в открытое море множество «судов» большого и малого тоннажа. В том числе и Кача. Он тоже был моим сокурсником. Коррупция всегда была визитной карточкой всех престижных московских вузов. Мне думается, что ее нет только на технических факультетах, там, где если уж не дано абитуриенту постичь математику, то никто не в состоянии будет вдолбить в него желание учиться, даже если ему и купят поступление в вуз. Не обошла коррупция и нашу социологию. Науку, которая все знает о таком явлении, как коррупция, изучает ее, исследует ее влияние, предсказывает гибельные последствия для общества. Нашим факультетом руководил тогда, да и руководит по сей день, честный и порядочный мужик – Николай Иванович Добренков. Настоящий ученый, бесребреник, может быть, поэтому он бессилен что-либо предпринять против таких «буксиров Городецких». Николай Иванович любим мною еще и за свою поддержку идеи возрождения смертной казни в России, о чем он неоднократно заявлял в разных телевизионных передачах. Понять здесь нашего декана легко. Несколько лет назад его дочь, красавицу и большую умницу, вместе с ее женихом зверски убили какие-то ублюдки. Из-за «Lexus», в котором ехали счастливые, думающие о предстоящей свадьбе моло-

дые люди. Цвет российской молодежи, прекрасно образованные, с бескрайними перспективами ребята, а твари, которых и людьми-то назвать не поворачивается язык, выбросили их из машины и расстреляли. Бросили их молодые, не знавшие любви тела в придорожную канаву, и все это из-за куска железа на четырех колесах! Что остается теперь отцу, кроме как оплакивать своих нерожденных внуков. Но наш декан мужик крепкий. Он борется. Он живет. Он учит. Он представитель того поколения людей, кто пережил и помнит войну. Я называю их, тех, кто жив до сих пор и пережил столько, сколько им было отмерено, гипербореями. Гиперборей живут среди нас, но их все меньше и меньше. Они уходят от нас в Валгаллу ежедневно, и вместе с ними уходит их мир. Мир истинных человеческих ценностей, а нам остаются эрзацы: музыки, любви, экологии, свободы...

Кач был здоровенным, накачанным сукиным сыном. Характер имел прескверный. Считал, да и, похоже, продолжает считать себя до сих пор, пупом земли. Его любимые словечки: «Я на пути к победе, кругом одно говно (это об окружающих). А вот это по-качевому (степень наивысшего одобрения). Да у тебя здоровья не хватит, блядь!» Ну, и все в этом духе. Детство у Кача было не совсем безоблачным. Его отец никогда не любил своего сына. Вплоть до того, что после того, как Жене исполнилось шестнадцать лет, он выгнал его из дому на попечение деда и бабушки и запретил появляться на отчей жилплощади в его, отцовском, присутствии. Воспита-

нием Кача занимался дед, полковник Советской армии, известный половине Москвы бабник и самодур. Женя впитал от деда все, что только было в том антипатичного, хотя влечение к женщинам – это несомненное достоинство, особенно в наше время однополых браков и тотальной педерастии в некоторых отраслях народного хозяйства. Не помню, чтобы он когда-то хоть что-нибудь читал. Во всяком случае, книгу я у него в руках так ни разу и не увидел. И, если честно, могу представить его максимум с какими-нибудь эротическими комиксами. Женя стараниями деда-полковника и бабушки, сотрудницы ректората МГУ, окончил школу имени Ромена Роллана с углубленным изучением французского языка, при этом ухитрившись сам французский язык не то что углубленно, а вообще никак не выучить. Просто в критичные дни, когда Женина успеваемость и поведение окончательно выводили из себя директора этой уважаемой школы, на пороге появлялся дедушка при полном параде и в начищенных орденах. Возразить после такого аргумента было как-то нечего, и директор, махнув рукой, переводил Женечку в следующий класс. И так вот Кач добрался до университета.

Однако же, справедливости ради, скажу, что человека честнее и порядочнее в дружбе, чем Женька, я не встречал никогда. Как и все настоящие злодеи, Кач всегда был очень сентиментальным человеком. Это всегда умиляло тех, кто не знал его близко. Выручал он меня несколько раз по-настоящему, и впервые он протянул мне руку именно тогда, когда

я позвонил:

– Привет, Женя!

– О, Марголин! Привет, привет. Как у тебя-то (это его фирменное, замещает обыденное «как дела?»)?

– Да как сказать... Не особо что-то, если честно.

– Ну, а что случилось, Марк?

– Ну, что... С Марго разругался окончательно. Пошла она, сука, куда подальше со своими заскоками.

– Ну понятно. Ясно все. Одобряю. Ну, а что сейчас делаешь?

Я, разумеется, с самого начала этой беседы ждал. Ждал именно этого вопроса и мысленно поблагодарил Кача за то, что вопрос этот прозвучал, да еще и так скоро.

– А ни хера я не делаю. По двору слоняюсь, податься некуда, курю да вот с тобой разговариваю из телефонной будки.

– Ну, так приезжай ко мне, чего ты в самом деле-то? Я как раз собирался к тете идти в гости, пойдем вместе, я тебя с ней познакомлю.

– Да? А зачем мне с твоей тетей знакомиться? Она кто вообще?

– Да ладно, прекрати. Она прикольная тетка, красивая, в собственной квартире живет одна, с мужем развелась недавно. Пойдем, вон, чайку попьем, познакомишься, может, трахнешь ее как-нибудь.

– Да блин, как-то неудобно. Ну а вообще, не возмутится она, что ты к ней человека привел без спросу? Все-таки

незнакомец, да еще в такое время?

– Да забей! Я ей сейчас перезвоню, обо всем договорюсь.

Садись на троме (тро-ме – ме-тро, еще одно словечко из «словаря» Зверя) и приезжай ко мне на «Алексеевскую».

– Ага, уже еду. Спасибо, Жень!

– Да не за что, Марк, о чем ты! Жду!

Кач повесил трубку, я сделал то же самое. Закурил и, ни о чем особенно не думая, зашагал в сторону станции метро «Перово». Идти до нее было минут десять. А занял этот путь двенадцать с половиной лет.

Бизнесмен силового плана, противотанковая мина и две шлюхи

Ревность... Знакома ли она кому-либо еще так, как она знакома мне? Дикая, болезненная, растрепанная сумасшедшая баба в рваном балахоне, с костлявыми руками и гигантскими пальцами, разрывающими сердце ревнивца, с комариным хоботком вместо рта, тем самым, которым она делает инъекцию своего яда прямо в мозг. Дочь Вавилонской Блудницы, посылающая миражи о чужой похоти на экран подготовленного этим ядом рассудка. В юности эта безумная часто терзала меня, но то, с каким рвением она взялась за меня после знакомства с Лерой, оказалось для меня схваткой, которую я проиграл. Я поддался на ее уговоры, уверовав в то, что так нужно для любви, для того чтобы сохранить ее. Я всегда боялся признаться себе в том, что на самом деле то, что я сотворил с Лериным первым мужем, во многом выросло за счет того, что эту пашню поливали слезы моей зависти к его положению и достатку. Сравните нищего студента и миллионера. К тому же еще и трахавшего когда-то женщину, которая стала затем женой этого студента. Если студентик обыкновенное чмо, то он подрастет с этим дерьмом в груди, насасываясь пивом и тоскуя, и в конце концов рано или поздно выместит всю свою жалкую чмошную злобишку на женщине, которая вообще ни в чем не виновата. Вся сов-

местную жизнь он будет оскорблять ее, самоутверждаясь таким образом, стремиться унижить, потрафив тем самым своей жалкой трусливой душонке. И всю его жизнь ему будет являться образ крепкого белозубого, с огромным, вздернутым к Луне фаллосом самца с «Ademars Piget» на волосатом запястье, раскинувшегося на шезлонге возле собственного бассейна и злорадно цедящего сквозь зубы:

– Да-а-а, чувачок, я трахал твою жену. Я имел ее сидя, я имел ее лежа, и на голове я имел ее тоже. А как она сосала! У тебя так же отсасывает? Боевые навыки не пропали? Ха-ха-ха-ха-ха!!!

И этот смех будет впиваться иглами в каждую клеточку гребаного мозга, и однажды мозг не выдержит и самопроизвольно отдаст команду на уничтожение... Той самой, которая так хорошо сосала у него когда-то...

Мне такой вариант не подходил. Я привык во всем искать первопричину. И, если так необходимо, устранять ее. Мозгу нужен покой. А покой – штука по нынешним временам очень дорогая. Вот я и решил устранить первопричину, наградив рассудок покоем, или, что вернее, не перегружая его хотя бы образом миллионера с эрегированным членом.

Я лежал в засаде. Смешно сказать: засада представляла собой буйно разросшийся куст красной смородины на дачном участке ее первого мужа. О! Я очень, очень, очень ревновал. Я не мог и представить себе, что мое любимое тело когда-то мял своими кривыми лапами этот упырь по фами-

лии Вертыко. Они поженились, когда я еще ходил в школу, наверное, класс в девятый или десятый. Но меня в тот момент волновало не это, а то, проскочит ли искра по проводам? Достаточно ли мощность заряда? Вообще, какого черта я не приготовил вначале маленькую порцию и не испытал ее, заложив, ну, скажем, под квасную бочку одной придурковатой толстухи-продавщицы? Падут миры, переселятся народы, из России уедет последний еврей, а «тетянаташа», которая торгует квасом из бочки от сотворения мира, так и будет продолжать открывать и закрывать этот отвратительный кран, из которого по ее желанию будет литься квас, на радость будетлянам. Эта бочка для меня – целый мир, который не вызывает ностальгии и желания вернуться в долбаную эпоху сигарет «Космос», польских джинсов и кассетников «Электроника». К черту!!! Хочу ездить в «Lexus» и проводить отпуск в Акапулько! И при этом не быть мажором, партийным функционером или бюджетным вором. Заработал – потратил. Все.

Рецепт «штуки» рассказал один скоропостижный приятель. Скоропостижный, потому что однажды мы квасили с ним пиво на сачке Первого Гума¹, но ни до этого, ни после этого никогда больше не встречались. Кем на самом деле был этот «приятель», мне даже как-то страшно думать, уж очень

¹ Первый Гум – это первый гуманитарный корпус МГУ. Факультеты: филологический, философский, исторический и юридический. Знаменит своими сачками, «большим» и «малым». «Сачок» – место, где тусуют студенты, «задвигающие» занятия. Очень веселое и значимое в студенческой жизни место.

«вовремя» он появился.

А представился этот любитель пива студентом-химиком. После десятой бутылки на каждого, когда в голове моей окончательно победил Джубадзе, я спросил заплетающимся языком:

– Вот ты, химик, скажи, как сделать из подручных средств такую хреновину, которая была бы мощностью с противотанковую мину, а?

Довольный тем, что на него обратили внимание, скромный очкастый химик с важным видом откашлялся и поведал мне:

– Сам я не пробовал, но предполагаю, что если взять алюминиевых опилок, корабельного сурика и еще кое-чего, что есть в свободной продаже, перемешать и набить этим канистру из-под бензина. Затем провести в нее провода и использовать в качестве источника замыкания обычную батарейку напряжением в 9 вольт. Гарантирую, что шархнет так, что все вокруг распылит на молекулярном уровне!

– Мать его! Это как раз мне и нужно!

Я все тщательно записал и на следующий после пьянки с познавательным уклоном день приступил к закупке ингредиентов. Попотеть пришлось с опилками. Их нужно было несколько килограммов, и я перетачивал в опилки алюминиевый «уголок», который подобрал где-то на свалке, целых две недели! К моменту, когда я закончил собирать «адскую машину», моя дьявольская решимость покинула меня,

я устал и испугался того, что шальная мысль, которая так обильно орошала адреналином мой воспаленный мозг, близка к материальному воплощению. Но та, с кем я начал делить ложе, не давала мне забыть о моей адской ревности. Мои глаза краснели, ладони потели и начинали дрожать. Дрянное чувство. Как смешно мне сейчас вспоминать все это.

Лера – Женина «тетя» оказалась роскошной тридцатидвухлетней рыжеволосой женщиной, увидев которую я испытал желание запереться в туалете и «передернуть затвор». Она, конечно, это сразу поняла. Опытная женщина, сознательно потерявшая девственность в шестнадцать лет и рассказавшая мне об этом тогда, когда мы «просто трахались», а о браке никто еще и не думал. Ну, я, по крайней мере, уж точно не думал. Побывавшая замужем, нигде не работавшая, а жившая с того, что сдавала иногда свою квартиру иностранцам, знакомым одного француза. Жерома Порта – какого-то парижского барыги, которого я так ни разу и не видел. Но, сдается мне, он видел на Лере гораздо меньше белья, чем даже просто пояс с чулками. В то время гостиниц в Москве почти не было, а вариант ночлега на одну или две ночи в квартире за сто долларов вполне устраивал друзей барыги. Сейчас на сто долларов можно купить сигарет на полмесяца, а сто долларов в 1992 году – это были большие деньги. Иностранцы приезжали по нескольку раз в месяц, и Лера в это время жила в соседнем подъезде, в квартире родителей. Жила она скромно, но в свое удовольствие: учила англий-

ский язык с какой-то преподавательницей, ходила в школу росписи по шелку, в школу астрологии и в прочие бесчисленные школы и кружки. Эта страсть к занятию «чем-нибудь, чтобы не скучать» осталась у нее и поныне. И сейчас она ходит куда-то. Учит, кажется, Римское право. Была она начитанна, вволю спала и была в расцвете сил зрелой женщины, которая уже много чего повидала. Мне тогда было 19 лет, наше первое знакомство, при посредничестве Кача, состоялось довольно мило. Я, как и подобает интеллигентному московскому юноше, загибал ей что-то о творчестве Ремарка и Гофмана, бесконечно много пил горячий чай и не чувствовал его жара. Я был в ударе в тот поздний вечер сентября 1992 года. В конце чаепития я зашел в ванную сполоснуть разгоряченное лицо холодной водой и увидел бельевую корзину. Машинально открыв ее, я увидел Лерины сегодня снятые трусики, которые немедленно схватил и с упоением стал нюхать. Запах мне понравился потому, что это был МОЙ запах. Я представил себе, что на ней вовсе нет трусиков, и еле сдержался от того, чем хотел заняться, уединившись в туалете. Трусики перекечевали в карман моих джинсов, и я затем провел с ними несколько весьма извращенных и острых минут. Они же послужили поводом для моего повторного визита к ней. Я просто позвонил и сказал, что хочу вернуть ей одну вещь, которую прихватил «случайно». Она ответила, что была бы совсем не против получить ее обратно. Я приехал, остался у нее на ночь и влюбился. Наш неординарный

роман, во время которого мы лишь изредка покидали кровать, продолжался вплоть до новогодней ночи 1993 года. Я приехал встречать с ней вместе Новый год, выпил, сделал ей предложение, получил согласие, и в марте того же года мы поженились. Студент и домохозяйка, старше его на двенадцать лет. 29 декабря 1993 года она родила нашу дочь. Я как раз должен был сдавать экзамен по политологии, но, узнав о том, что стал папой, ничего сдавать не пошел, а накурился с Верещем, знакомым официантом из «Праги», марихуаны и поехал поздравить Леру и поглядеть на новорожденную. По пути, при входе в метро, я украл букет роз, денег у меня все равно не было, и, если не считать этого, впрочем, свойственного мне, неблагоприятного поступка, вполне «на уровне» отметил рождение моей Евы, моего прекрасного первенца.

Но все это было тогда, в будущем, а в то время я лежал в засаде и ждал. Стоял один из последних теплых сентябрьских вечеров, и Вертько должен был обязательно приехать.

Я расскажу то, что знаю об Олеге Вертько. Бывшем муже моей жены. Бывшем подонке. Бывшем убийце. Бывшем бандите. Бывшем миллионере и бывшем человеке. Мне, как я уже сказал, было тогда девятнадцать. Ему года сорок два или около того. Вполне состоявшийся, превосходно упакованный и авторитетный в своем кругу чижик. Круг его состоял из чеченской «крыши», вместе с которой он занимался бесконечными «киданиями», аферами самого гнусного пошиба, торговлей краденными в Европе автомобилями, каки-

ми-то мутными делами в Венгрии и прочим весьма и весьма незаконным промыслом. Он начал во времена СССР в объединении «Экспортхлеб» Министерства внешней торговли. Затем переквалифицировался в кооператоры, а после стал тем, кого я называю «бизнесмены силового плана».

В современном российском капиталистическом мире бизнесмены силового плана – это самая обширная группа бизнесменов. Те из них, кто избежал заказной пули от таких же, как они сами, из-за того, что, в свою очередь, нанесли удар первыми, окружили себя тремя поясами обороны, создав собственные детективные агентства и охранные предприятия, напоминающие подчас численностью и вооружением армии стран масштаба, скажем, Гондураса. Они слишком хорошо усвоили, что в том мире, в котором можно поймать за хвост денежного Змея, нравы, а вернее, нравственность полностью отсутствуют. Можно все: «заказывать» конкурента ментам и чекистам, «мочить» конкурента, опять же «под заказ», не платить никакие налоги, выводить все нажитые непонятно, а вернее, понятно каким путем капиталы за границу, измываться над сотрудниками, выплачивая им смешные гроши и заставляя работать по 14—16 часов в сутки. Кстати, столько, сколько работают в российских частных компаниях, не работают нигде. По крайней мере, в Европе и США. Я и сам до недавнего времени работал в конторе, в которой официально нет праздничных дней, рабочий день не нормирован, отпуск 2 недели в году и за него ничего не

платят. Зачем я хочу убить человека? Я позже отвечу. Дочитайте до конца.

Вертько не чурался ничего противозаконного. Его жизненным принципом был принцип волка: отгрызть кусок покуснее и с ним смыться. А судьба жертвы, судьбы людей, которым он искалечил жизнь, нанес моральные и физические увечья, его не волновали. Лицо у него было омерзительным: какое-то мятое, как грязная простынь в борделе, глазки, прищуренные и злобные, подбородок съехал куда-то в сторону от постоянной гримасы высокомерия и жестокости. Вот какого перца я приговорил к полету в небо за счет энергии взрыва.

...А он все не приезжал. Собаки уже привыкли ко мне и перестали лаять в сторону куста смородины. В 1992 году охранных систем на приусадебных участках еще не устанавливали, а о собственной охране Вертько как-то не заботился. Она сопровождала его, но не постоянно. Считал, видимо, что у него с братвой все поделено и никто на него не рыпнется, никому он не должен. Ну, на то он и адский гад, чтобы нагадить столько и стольким, что просто не мог предвидеть удара с той стороны, о существовании которой он и не догадывался.

Дом был кирпичным. В лучших традициях новорусской архитектуры. Красный кирпич, три этажа, крыша-мансарда и нелепый открытый балкон-терраса. Внизу у Вертько был устроен каминный зал, где он любил развлекаться со шлюха-

ми на брошенных возле камина звериных шкурах. Плейбой, блядь. Знал я все это так хорошо потому, что наблюдал за дачей все лето, пробираясь на нее по ночам со стороны станции пригородной электрички. Самым трудным делом было выбрать место расположения бомбы. Подкоп был исключен. Слишком велика была вероятность «запалиться», да и делом это было очень трудоемким, так как замаскировать следы закладки «штуки» было бы нереально. Оставалось одно: действовать с максимальным риском и быстротой, убедившись, что гадина расположилась в каминном зале.

Послышался шум приближающегося мощного автомобиля. Открылись ворота, и на участок въехал внедорожник «Mercedes» G-500. Эта машина, вероятно, очень хороша, если ездить в ней на охоту. Или за грибами. Или просто месить грязь на полях, но у меня она почему-то ассоциируется с холодильником. Здоровенный кусок железа, на огромных лаптях-колесах, с передом, напоминающим свинью. Не нравится он мне. А вот бизнесмены силового плана этот танк очень уважают. Ну не эстеты они. Им бы вот домик из красного кирпича «шоб покрепше» и «тачило, шоп побольше». Сейчас-то, конечно, эстетствуют: часов накупили дорогих, домов понастроили по индивидуальным дизайнам, G-500 в «хвост», для охраны, поставили, а в начале девяностых и пиджачок малиновый, на ливрею лакейскую похожий, нормально так котировался. Судя по тому, что за рулем был сам Вертько, в кабине сидели только две размалеванные прости-

тутки, а водителя не было – у хозяина на душе пели соловьи. Неделя выдалась «рыбной» (я уже изучил его повадки и настроения), и он намеревался предаться разврату и пьянству с двумя продажными гражданками СНГ, а также банным утехам и обжорству. В обнимку с проститутками Вертько подошел к крыльцу своего кондового дома, открыл дверь, и вся троица ввалилась внутрь с радостными и похотливыми воплями.

В те несколько секунд, что они находились в прихожей и не могли увидеть меня из окна, мне нужно было сделать очень многое. А именно: подтащить канистру с коктейлем, приготовленным по рецепту коллеги-химика, к стене дома с той стороны, где располагался каминный зал. Расположив ее точно посередине границ помещения, размотать провода, растянуть их до своего укрытия и спрятаться самому. Все это я проделал на ватных ногах и даже, как мне показалось, недостаточно быстро. Тем не менее я успел забраться в ставший родным куст прежде, чем в будуаре зажегся свет и одновременно с ним заиграла попсовая песенка тех лет. Сейчас уже не помню, что это была за песня. Я ненавижу попсу и блатняки. Все эти «песни про братву и пацанов», трехаккордные исповеди уголовников. Я люблю «Metallica». Ну и Валеру Кипелова. На этом мои музыкальные пристрастия не ограничиваются, но «Ангельскую пыль», особенно то место, где:

«...на краю обрыва песня неземная:
Музыка Богов и голоса Богинь,
Ты паришь над миром, но торговец раем
Вынет душу из тебя за героин...» —

я готов слушать в любое время дня и ночи, слушать и подпевать лучшему голосу российского рока – голосу Кипелова. Наверное, в моей голове и в голове тандема Пушкин – Кипелов водятся одни и те же «кто-то».

И вот тут-то мне вновь стало страшно. Так страшно, как никогда еще не было. Я просто чуть не обоссался от страха. Я вдруг осознал, что, поднеся батарейку к проводам, я навсегда внесу свое имя в список самых черных грешников и никогда уже не смогу смотреть на мир тем чистым взглядом, что прежде. Терзания и страсти кипели во мне. Но вдруг все внутренние голоса, поющие о любви к ближнему, разом умолкли и в моей голове стал нарастать глухой шум. Он заполнил собой все вокруг. Небо, и без того темное ночью, почернело какой-то угольной чернотой, и сделалось так жарко, что я стал задыхаться от раскаленного воздуха, который, как мне казалось, насильно врывается в мои легкие. Это продолжалось секунду, и это продолжалось вечность, но и у вечности есть конец. Все вдруг прояснилось. Я словно взглянул на себя другими глазами и увидел спокойного, умиротворенного человека, сидящего в кусте смородины и задумчиво жую-

щего какую-то былинку.

«Что значит эта жертва по сравнению со всеми жертвами Второй мировой», – вдруг, неожиданно для себя, произнес я. Достал из нагрудного кармана девятивольтовую батарейку «Крона» и коснулся ее контактами оголенных проводов...

Ничего...

Ничего...

Никакого взрыва, никакого шума, никакого разрушения.

Все как было, так и осталось. Лишь мои чувства великолепно обострились на мгновение, словно мне дали понять, что я все делаю правильно. Я слышал, как в трех километрах от меня, по шоссе, ехал какой-то велосипедист. Я слышал шорох велосипедных шин, катящихся по асфальту! Я слышал чмокающие звуки минета, доносящиеся из гребаного будуара, и хлюпанье вагины одной из шлюх, сношающей себя фаллоимитатором и показательно массирующей себе клитор под похотливым взглядом распаленного Вертько. Я слышал, как рыба играет в речке. Я слышал, как планеты вращают свои огромные туши где-то в неподвижном Космосе. Мать его, да я слышал все! В это мгновение абсолютного слуха я был Богом и мог творить миры! И длилось это одно мгновение, а потом все стало как обычно. Необычно было лишь то, что взрыва **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НЕ БЫЛО**.

Придя в себя и повертев головой для того, чтобы убедиться в окончательном провале моего злодейства, я успокоился. «Ну и пусть, – думал я. – Пусть так. Зато я не побоялся

поднести батарейку к проводам». Вооружившись этой успокаивающей мыслью, поставив ее в красный угол сознания, я выполз из куста. Не став уничтожать следы своего пребывания, ибо я не рассчитывал на то, что куда-то спрячу канистру (я не предполагал, что она не взорвется), перемахнул через забор на соседний, заброшенный участок, хозяин которого был взорван кем-то ранее, в Москве, в Леонтьевском переулке, о чем тогда говорили решительно все. Пройдя по дорожке до калитки, я спокойно вышел на дорогу и пошагал к станции электрички, размышляя, что было бы неплохо поймать такси прямо до дома. Дорога на станцию и дорога к шоссе была одной и той же, и выбор транспорта не мешал моему продвижению прочь от дачи Вертько.

«В конце концов, – размышлял я, – даже хорошо, что я оставил бомбу вместе с проводами там, где я ее оставил. Может, испугается хотя бы, сволочь».

Мои спутанные мысли прервал такой оглушительный грохот, что вместо недавней способности всеслышания я подумал, что полностью оглох. Взрывная волна, а то, что это была именно она, я как-то сразу понял, сшибла меня с ног, обдав битым кирпичом. Я вскочил и побежал. Просто испугался и побежал. Вперед! Я несся, и мне не хватало воздуха. Я боялся оглянуться. Я не думал в тот момент, что кто-то может меня увидеть и заподозрить в том, в чем меня стоило бы заподозрить. Просто бежал. Но силы иссякли, и скорость бега упала. Вот тогда я оглянулся.

На месте каменного трехэтажного дома Вертько не было ничего. Ничего, кроме огромного зарева и вырывающихся из него к небу, подобно вулкану, снопов искр. Дом был полностью уничтожен. От него вообще ничего не осталось, кроме осколков кирпича, искореженных и разбитых бетонных плит перекрытий, из которых уродливо торчала арматура, и скрученных в петли труб отопления.

Но что же произошло? Почему взрыва не последовало сразу, после замыкания контактов? Я долго думал, и вот к какому выводу я пришел: очевидно, что искра все-таки «проскочила» и воспламенила взрывчатое вещество. Но провода были пропущены в середину заряда, а набита канистра была очень плотно, да и закрыта, по совету студента-химика, герметично. Взрывчатка, которая была в состоянии гореть без кислорода, сперва медленно разогревала саму себя в одном небольшом месте, возле источника возгорания, а потом, когда температура ее горения стала нестерпимо высокой, рванула вся и сразу. Да еще и газовая колонка «помогла». Разрушения были абсолютными. На месте дома образовалась здоровенная воронка. Взрывотехники ФСБ, прибывшие потом на место, квалифицировали мощность заряда в сорок килограммов в тротиловом эквиваленте! Ай да химик! Ай да фокусник! Много лет спустя я размышлял: кем же все-таки был на самом деле этот студент? Сперва я думал, что это молодой Джубадзе, только начинающий набирать вес, а потом решил – нет. Это был мой ангел-хранитель, который знал, что я, ма-

ло что понимающий в физике взрыва, обязательно взлетел бы к звездам вместе с Вертько, останься я сидеть в том кусте, всего в сорока метрах от эпицентра. Знал, и поэтому дал мне такой рецепт, который спас мою, если честно, то очень дорогую и любимую мною жизнь.

Born to be a doctor

Мне всегда нелегко после воспоминаний о взорванной мною троице. Но и сладостно, оттого что я был тогда одновременно и судьей, и палачом. Моим любимым героем в творческом небоскребе Агаты Кристи всегда был тот самый хитроумный судья из «Десяти негритят». Причина, побудившая меня заняться «убийственным» промыслом? Да хрен ее знает, в чем тут причина. Ревность? Ну да, конечно. Хотя сейчас, по прошествии двенадцати с половиной лет, эта причина кажется мне невероятной. Невероятно, чтобы сейчас я вот так же, очертя голову, мог приревновать женщину. Хотя кто знает. Бодливой корове, как говорится...

Да и кого ревновать? Ха-ха-ха!!! Мне нелегко говорить это, но не было в моей постели шикарных красавиц, блядовитых роскошных гламурок, загорелых блондинок с бесконечно длинными ногами и грудью, похожей на гору Эльбрус, смуглых нимфеток Лолит и лакированных манекенщиц, доставленных прямо с миланских подиумов. Может, я ЧМО? Нет, в самом деле! Я так живописал себя, что можно, вполне можно подумать, что это рассказ человека ЧМО о человеке ЧМО. Видя на экране телевизора, на концерте, в стоящем рядом на светофоре автомобиле, в самолете, на пляже, просто на улице красивую, ПО-НАСТОЯЩЕМУ красивую женщину, от которой захватывает дух у подавляющего боль-

шинства мужчин, я всегда отводил глаза. Не для меня созрел этот персик, не мне от него откусывать. Попадись мне такая вот женщина, я бы даже не знал, что с ней, собственно, делать. Вот каким, в сущности, задротом я был еще десять лет назад. Но все не однозначно.

Иногда вспоминаешь... Сам о себе. Причем, как ни странно, что-нибудь хорошее. О том, как ты помог людям, например.

После таких воспоминаний легче становится на душе и от текущих забот получается на время отвернуться. Сегодня вот вспомнил о том, как я был доктором. Вообще-то, я всю жизнь «кем-то был». Своего лица у меня нет: я все время кого-то изображаю, говорю чьим-то голосом, копирую чьи-то жесты. Во мне можно увидеть черты многих известных в Москве людей. У них я неосознанно перенял то, что моя натура сама посчитала нужным перенять. Позаимствовал драйвера, так сказать. Я как терминатор: самонастраивающаяся и самообучающаяся программа, и поэтому нет во мне ничего настоящего, истового и оригинального. Я как персонаж Евгения Леонова, король из киноверсии «Обыкновенное чудо». Тот постоянно твердил, что в его падении виноваты родственники: отец, мать, бабка. Мои родственники не такие: они хорошие, добрые, честные люди. Они просто живут, трудятся, рожают детей, стоят в очередях, мусолят денежные бумажки, которых им вечно не хватает. Иногда, все чаще в последнее время, ходят в церковь. Двух самых главных из

них нет со мной уже очень долго. Они словно в другой стране: можно поехать, только вот визу вряд ли получишь. Ну ладно. Я о другом.

Случилось это в сентябре скверного для многих 98-го. Кризис уже пожирал Москву все отчетливее. На лицах людей все более проступала озабоченность или, наоборот, пьяная, похмельная отрешенность. Огромный город вздрогнул всем своим каменно-панельно-асфальтовым телом и долго трясся мелкой дрожью, передаваемой жителям. Волны этого резонанса тогда заставляли многих искать что-то на дне бутылки. Москва всегда пила: от горя ли, от радости, а тогда от безысходности. Все, как в предвоенном Париже Ремарка.

Я задержался на работе из-за корпоративной пьянки. Была пятница. Внизу меня ждала машина. Я не изменил принципу: не садиться за руль поддатым – и не поддержал коллег. Некоторые из них уже успели наклюкаться до состояния «ты меня уважаешь, и я тебя тоже». Я вежливо со всеми попрощался и спустился вниз. Работал я тогда на одного нынешнего олигарха – light. Вернее, тогда он был light, а сейчас стал полноценным. Full flavor олигарх. Мой приятель, алкогольный олигарх, просветил меня, что олигарх light перестает быть таковым после того, как его состояние переваливает за вторую сотню миллионов. Я работал в организации, пожалуй, самой влиятельной и самой богатой из частных компаний России. Это была «Альфа-групп», один из офисов которой находился на Новом Арбате в «высотке с глобусом».

«Альфа-групп» я вспоминаю до сих пор только добрым словом. Да, гнобили там так же, как и везде, выжимали из сотрудников все соки, но и платили за это так, что никто и никогда не думал роптать и выражать недовольствие. Миллиардер-хозяин хотел видеть вокруг себя довольных жизнью и финансово независимых сотрудников. Своей цели он, судя по мощи его империи, добился. «Альфа» всегда было «первой», а крохоборы «бизнесменишки», которые хотят за две копейки получить грамотного специалиста и, в силу своей «боевой» биографии, подозревают всех и каждого в воровстве, как правило, являются, в конце концов, обворованными теми самыми «двухкопеечными» сотрудниками. И поделом. Я ненавижу таких крохоборов и сам являюсь почетным членом «двухкопеечного ордена жуликов».

А тогда я выехал на Садовое кольцо и без особенных затруднений добрался до начала тоннеля под Тверской. После этого движение как-то резко замедлилось, и я стал переживать из-за того, что планам о полуночном шашлыке на даче не суждено сбыться. Я матерился и нервно курил, а поток все двигался и двигался, пусть незаметно, но все же поступательно, и в конце концов я, в числе прочих пятничных страстотерпцев, въехал на Самотечную эстакаду. Там сразу стала понятна причина, по которой образовалась пробка. На встречной полосе стояла белая «Нива» с развороченным передом. В крайнем левом ряду с моей стороны, как-то неуклюже и смещенная по диагонали, замерла разбитая «девят-

ка» вишневого цвета. В крайнем правом ряду семафорила аварийной сигнализацией еще одна «девятка», кажется, белая. Из-за занятости двух из четырех полос, из-за присутствия множества машин ГАИ движение буквально сочилось «в час по чайной ложке», и я от нетерпения ерзал в предвкушении скорой развязки. Моя правая нога слегка пружинила на педали газа, и вдруг из-за вишневой «девятки» вынырнул гаишник и, ткнув в мою сторону жезлом, приказал мне остановиться. Чертыхнувшись, я взял влево, включил «аварийку» и вышел из машины.

– Что здесь произошло?

– Да вот один пьяный таможенник врезался в «девятку». Из «девятки» всех уже увезли в «Склиф». А этот ухарь у нас в «шахе» отдыхает. Таможенный майор, кажется. Здоровый как танк! Он после аварии как ни в чем не бывало тут расхаживал. Двоих наших отметелил и все права качал, – захлебываясь, рассказывал инспектор, – еле скрутили его и в машину затолкали.

– А я-то вам зачем?

– Помогите, свидетелем будете и поможете схему зарисовать.

– Ладно, без проблем, тем более раз такое дело...

Мы с мужиком из стоявшей в правом ряду «девятки» принялись было помогать одному из инспекторов замерять расстояние между покалеченными машинами, как вдруг я увидел еще одного инспектора, бегущего к нам от гаишной «ше-

стерки». Тот подбежал к товарищу, остановившему меня и, по-видимому, старшему, и громко отрапортовал:

– А этот ругаться перестал и хрипит чего-то!

Мне это «хрипит чего-то» все сразу разъяснило, и я ринулся к ним:

– Где этот человек? Где он?!

– Да вон там, в машине сидит, а что?

– Я врач, мне необходимо посмотреть на него! Это, может быть, очень серьезно!

– А-а-а, ну если врач, то идем.

Не знаю, что тогда толкнуло меня назваться врачом. Может быть, мой врожденный авантюризм и нетерпимость к посредственности и бездействию в критических ситуациях? А может быть, ангел-хранитель таможенника договорился с моим, просканировав транспортный поток и не найдя ничего более подходящего для помощи своему подзащитному. Хотел бы я посмотреть со стороны, как беседуют между собой ангелы. Какие слова они говорят при этом, какие жесты используют? Напоминает ли их беседа человеческую или они изъясняются с помощью телепатических потоков, перемещая терабайты информации за доли долей секунды? Или они стоят напротив друг друга, красиво расправив крылья и трясая ими, словно споря, у кого они круче?

В замызганной гаишной «шестерке», на заднем сиденье, нелепо согнувшись, полулежал здоровенный мужик в парадной форме таможенника. Майор, о чем говорила большая

звездочка с рубином на погоне. Его рот выдувал кровавые пузыри, он хрипел, кашлял, и при кашле сквозь приоткрытые губы вытекала толчками кровь. Я забыл обо всем. Вид умирающего (я не сомневался в этом) человека заставил, как всегда, полностью сосредоточиться и принять на себя руководство ситуацией:

– Немедленно «Скорую», – скомандовал я собравшимся вокруг машины инспекторам, – у него сломана о руль грудная клетка, ребра разорвали легкие, в них полно крови! Она поступает в легкие постоянно, он может умереть, и вы будете за это отвечать, – холодно проговорил я, чувствуя себя хозяином положения.

Лица инспекторов побледнели, они поняли, что шутки закончились, и старший немедленно начал орать в рацию:

– Нам срочно нужна реанимация, у нас тут врач, он говорит, что человек умирает! Срочно реанимацию!!!

На счастье, мимо нас проезжала свободная карета «Скорой». Гаишники тут же ее остановили и вытряхнули из нее двух мужиков-фельдшеров. Те, злясь на гаишников, небрежно подошли к «шестерке», где встретились с моим командным натиском:

– Так! Немедленно носилки! Будем перекладывать!

Фельдшеры, как и все участники происходящего, сгрудившиеся вокруг единственного человека, который в состоянии отдавать четкие распоряжения, безоговорочно и сразу подчинились и метнулись к своей карете за носилками. Когда их

принесли, то я принялся руководить погрузкой злосчастного таможенника, ибо никто не знал, как правильно грузить человека со сломанной грудной клеткой.

– Осторожно! Его нельзя сгибать слишком сильно. Чем сильнее будете сгибать туловище, тем больше сломанные ребра будут разрывать легкие, тем вероятнее будет летальный исход, – вещал я, уже совершенно вошедший в роль «врача».

Меня с почтением слушали и старательно выполняли все мои команды.

– Необходимо выполнить плевральное дендрирование! – выпалил я неведь откуда взявшуюся фразу. Вообще-то все мои крайне разрозненные медицинские познания – это результат запойного чтения в детстве журнала «Здоровье», выписываемого моей бабушкой. Читал их наравне с «Веселыми картинками» и «Мурзилкой». Иллюстрации в «Здоровье» нравились, да и в слова статей пытался вникать. Теоретически я могу вырезать аппендицит, а уж удалить пулю из мягких тканей – это вообще не вопрос!

Наконец, потерявший к тому моменту сознание таможенник оказался водворенным в карету «Скорой». Я, чувствуя себя как рыба в воде, приказал разрезать облегающий мундир вдоль по грудине, чтобы освободить легкие, помочь им работать. Распорядился надеть на несчастного кислородную маску и, убедившись, что фельдшеры все исполнили правильно, вышел из машины. Закурил было, и в этот самый

момент со стороны «Склифа» подлетели два реанимобиля (движение к этому моменту со стороны Института Склифосовского было перекрыто). Из первого «Mercedes» с красным крестом вышла женщина-врач, и встретивший ее гаишник оживленно стал что-то говорить ей, указывая то на меня, то на выловленную им «Скорую». Женщина решительно направилась ко мне:

– Что с ним?

– Сильнейший удар об руль, шок, перелом ребер, разрыв плевры, – как по учебнику отрапортовал я. – Нельзя мешкать, коллега!

Женщина понятиливо кивнула и поспешила в машину, где дышал чистым кислородом злополучный таможенник. Через несколько секунд, взревев двигателями и завывая сиренами, все три кареты рванули в сторону «Склифа».

– А ты какой врач-то? – поинтересовался «старший», которого я угостил сигаретой.

– Зубной я, начальник, зубной...

– А про травмы откуда так хорошо все знаешь?

– Учили нас, начальник, клятва Гиппократа там и все такое... – промямлил я, будучи уже совершенно не в раже и думая, как бы смыться от греха подальше.

– Молодец ты, доктор, – вдруг сказал «старший». – Молодец! Замечательный ты человек! Ведь ты ему жизнь спас и нас от расследования уберег! Молодец ты! Спасибо тебе! Вот ведь: учат вашего брата как следует! Сразу верный диа-

гноз поставил. Даром что зубной, а переломы четко просек! Свидетелем будешь, если что? Дай телефончик свой.

Я рассеянно оставил номер не своего телефона. Сработал принцип: «Мне нечего решать с милицией». Пожал инспектору руку, сел в машину. Какой-то гаишник махнул мне жезлом, и я, как VIP-персона, рванул вдоль перекрытой для всех Самотеки. Повернул через встречную на Щепкина и медленно поехал домой. В висках пульсировало, начался нервный отходняк. Я остановился, закурил сигарету, посмотрел на себя в зеркало. «Врач херов, – подумал я. – Вот трепач. Но зато все правильно сделал, человека ведь спас!» От осознания совершенного доброго поступка, быть может, одного из немногих и по-настоящему крупных добрых дел, совершенных мной за прожитую жизнь, на душе стало легко. Включил музыку и тронулся, ехал и подпевал. Вот так я побыл доктором. В первый раз.

Менеджер на свой карман – 1

Работа... Вся жизнь так или иначе связана с этим понятием. Работать, чтобы существовать, приходится миллионам людей. Большинство из них равнодушно относятся к тому, чем им приходится зарабатывать на жизнь. Довольно большое количество «работничков» попросту не любят свою работу. Что же касается меня, то я работу ненавижу.

Мне никогда не приходилось заниматься тем, что при совокупности интереса к тому, что делаешь, и хорошего за это вознаграждения называется любимым делом. Я люблю кататься на велосипеде, но вряд ли кто-нибудь заплатит за это и пару копеек. Это хобби. Наверное, и любимое дело – это самое увлекательное хобби на свете. Не могу судить, не знаю, но предполагаю, что это именно так.

Я работаю где-то лет, кажется, с семнадцати. После окончания школы я не смог поступить в университет с первого раза, и пришлось готовиться к этому качественному скачку еще целый год. И я начал учиться и одновременно с этим взял да и пошел работать на завод. Завод выпускал электроды и что-то графитовое и был жутко вредным. Я прямо-таки ясно вижу, как в луче солнца, пробившемся между корпусами цехов, вьется страшная, туберкулезная, графитовая пыль и перепачканные этой черной, навсегда въевшейся в кожу грязью фигурки рабочих медленно движутся по этой

отравленной заводской территории. Какой только большевистский таракан придумал застроить Москву промышленными предприятиями, и какими?! Да один только мой заводик отравлял не только Перовский район, где был расположен, но и ближайший Измайловский. Земля под такими предприятиями на десятки метров вглубь пропитана ртутью, свинцом и всеми химическими элементами таблицы Менделеева. Такую Землю надо вывозить в специальные могильники! Но на месте этих рассадников онкологических заболеваний, которые из-за неконкурентоспособности сейчас поголовно закрыты, собираются строить и уже строят «элитное» жилье. Только надо понимать, что, въезжая в такую вот «элитную» квартирку, можно приобрести целый букет таких элитных заболеваний, что не рад будешь ничему. Я до сих пор не понимаю: как это люди живут в Марьине, Люблине, Капотне? Ведь там они дышат фекалиями с полей аэрации вперемешку с чадом нефтяного завода! Зато у 100% московских новорожденных родовая травма – гипертонус. Отсюда, от плохой экологии в основном. К чертовой матери поскорее вывести всю промышленность, которая еще как-то дышит, из города! И вот еще: говорят, что, дескать, «ах, все развалили, заводы стоят, ничего своего нету, все привозное». Да полноте! Живем с вами как белые люди, что вы в самом деле: весь китайский пролетариат работает на нас. Шутка это все, конечно. Грустная шутка.

Ну, так вот: на заводе, в заводоуправлении, работала одна

молодая женщина, лет, кажется, двадцати семи. Звали ее Зи-ночкой. И была она на удивление ебким созданием. Хотела всегда и постоянно, текла, как тающая сосулька на солнце. Мы трахались с ней до тех пор, пока у меня не появлялись мозоли на том-самом-месте, и происходило все это после ра-боты прямо на ее рабочем месте. Мы оба были страстными выдумщиками, поэтому в ход шли разные предметы, так как магазинов для взрослых в 1989 году еще не было и даже пер-вый в России секс-барыга Агарков еще не открыл свой секс-шоп на Маломосковской улице. Кстати, вместо здания, в ко-тором он располагался, сейчас уже несколько лет пустырь, а когда-то там был роддом, в котором я появился на свет.

И вот однажды мы играли на Зиночкином столе в шесть-десят девять и одновременно использовали длиннющий теп-личный огурец, как вдруг двери, закрытые нами на замок, открыла дубликатом ключа чья-то молниеносная рука. На пороге, застыв в праведном негодовании, оказалась целая толпа работников заводоуправления во главе с директором, товарищем Колосковым: старым, пахнувшим козлом пьяни-цей и жуликом. Я именно в этот момент эякулировал Зиноч-ке в рот, и она, подняв голову, открыла его, в изумлении гля-дя на застывших в дверном проеме людей. При этом все пря-мые доказательства нашего блуда вытекали из правого угол-ка ее разомкнутых прекрасных губ.

Зиночку уволили и меня следом за ней. Я стал готовиться к поступлению, а она сперва нашла себя на панели, разведясь

с мужем, а затем ее линия судьбы резко взмыла вверх, как взлет ракеты, и Зиночка вышла за всамделишного немецкого миллионера. Знаю, что у нее все хорошо: она родила своему немцу двойню, он в ней души не чает. Живут они в Мюнхене. Во время моего приезда в Мюнхен, осенью 2002 года, спустя тринадцать лет после того веселого секс-скандала в помещении заводууправления, мы так душевно исполнили все то, что должны были исполнить, что оба рыдали, когда настала минута расставания. Зина, хоть ты и старая перечница, но ты женщина на 100%. Бог создал тебя такой, чтобы ты радовалась сама и радовала других. Живи долго в своем Мюнхене, и пусть твой довольный бургер ничего не знает...

Не то чтобы я как-то особенно благоволил к женщинам старше себя, но в момент жизни, когда мне было семнадцать лет, мне было очень интересно, когда в постели со мной находилась опытная особа женского пола, которой от меня было надо только одного. Того самого, зачем ложатся в постель двое. Ни детей, ни брака, ни алиментов (а ничего этого я и не мог дать тогда), а чистой генитальной поэзии. К тому же я учился и познавал мир с такими, как Зиночка. Только вот с женьбой я, разумеется, очень поспешил.

Нет никаких таких чудес, чтобы двое, имеющие разницу в десять и более лет, жили долго и счастливо и состарились окончательно и умерли в один день. Такой брак, в котором женщина много старше мужчины, обречен на распад заранее. Наступит переломный момент, когда захочется дышать

в затылок своей сверстнице или того лучше: кому-то помоложе, с кем ты сам чувствуешь себя, уж по крайней мере, на свой возраст, но не старше. Обмен жидкостями, который осуществляют время от времени двое, спящие в одной постели, приносит в их организм частичку партнера. А если твой партнер старше тебя и у него проблемы, ну, скажем, с артериальным давлением, то не стоит удивляться, когда вдруг, безо всяких причин, и твое давление начинает «скакать» на ровном месте. Уверен, что не только болезни, которые передаются обычно половым путем, но и многое другое, вплоть до судьбы, передается нам при регулярном орошении лона. И тут жаль всех, но более всего жаль женщину, которая отдает свои последние цветущие годы молодому мужу, а потом, когда тот бросает ее, часто оказывается не у дел и не в состоянии устроить свою личную жизнь. Она сознательно не ищет более молодого партнера, но подсознательно будет всегда стремиться найти именно такого. Да и слишком велик контраст между постоянно готовой к бою ракетой, стоящей на круглосуточном дежурстве, и вялым фаллосом нового седого избранника...

Тенденция скандальных увольнений преследует меня всю мою жизнь. Все дело в том, что я имею совершенно негнушающую спину и чувство собственного достоинства не позволяет мне работать и жить на одну зарплату.

Другими словами, я – вор. Вор, в понимании обывателей. Менее удачливых сотрудников, которые и сами были

бы не против улучшить свое материальное положение путем извлечения звонкой монеты из сундуков скупого рыцаря – работодателя, и вор в понимании капиталиста – учредителя, бизнесмена силового плана, сколотившего свой стартовый капитал зачастую путем такого же воровства. Я всего лишь граблю награбленное. Из недоплаченных мне вознаграждений за работу, без соблюдения условий трудового кодекса. Из сэкономленного кровососом на покупке LCD-мониторов, которые не так быстро выжигают глаза сотрудникам, как это делают обыкновенные. Из недоплаченных государству налогов. Из «черной» кассы. Из сверхприбылей, которые получает зарвавшийся и деспотичный работодатель. Я не равняю всех под одну гребенку, но таких вот «социально безответственных» бизнесменов у нас полным-полно. И как это ни странно может показаться на первый взгляд, но именно такие вот мерзавцы от бизнеса и тормозят развитие отечественной экономики. Они не желают поддерживать достойный уровень жизни людей, которые работают на них. Воруют у государства, в котором и так один из самых низких НДС и подоходных налогов. Думают только о собственной заднице, не осознавая, что они отвечают перед своими сотрудниками, перед государством, благодаря попустительству которого они несправедливо обогащаются. Примеров таких рвачей-сатрапов я могу привести массу, но остановлюсь на воспоминании о «Circus Park». Канувшей в Лету розничной торговой сети супермаркетов, чьи хозяева – парочка клоунов

– проживают теперь в Англии: пристанище всех проворовавшихся в России капиталистов – аферистов, ичкерийских террористов и просто подонков, чьи интересы идут вразрез с интересами и нашего общества, и государства. Такими хрестоматийными подонками являются для меня Березовский, его друг, ичкерийский бандит, эмиссар подохшего Масхадова и любовник старушки Ванессы Редгрейв, чью фамилию я не хочу произносить вслух, потому что это фамилия ублюдка и убийцы. И, наконец, кинувшую половину Москвы парочку супругов-клоунов Сашу и Марину.

Постепенно я расскажу или упомяну обо всех местах, в которых я имел неудовольствие работать. Вряд ли это получится сделать в хронологическом порядке, ибо мысль не хочет выстраиваться по линейке. Это один из индикаторов состояния внутренней свободы, а я жажду абсолютной свободы и обязательно должен добиться этого состояния при жизни.

Так вот, в «Circus Park» я проработал месяца три. До тех пор, пока меня не выгнали оттуда. Работать приходилось в следующих условиях: в старом, советского образца универсаме, под такой типичной трапециевидной крышей и стенами, обшитыми то ли алюминием, то ли кровельным железом. Со стороны склада был расположен звонок, при нажатии на который через некоторое время сиплый голос в интеркоме спрашивал, а «какого хрена, вообще-то, надо». Если ответ удовлетворял эту образину, то следовало неохотное «ща-а-а», а затем какой-то престарелый бомжик, в телогрейке и с

печатью всех пороков на лице, приоткрывал створку ворот.

Далее взгляду открывалась картина загаженного складского дебаркадера, а в глубине тускло отсвечивала черная хозяйская «BMW-740» и серебрился фермерско-представительский «Range-Rover» хозяйки.

В «офис» (несколько комнаток, обставленных ужасной конторской и даже школьной мебелью со свалки) вела сваренная из шестимиллиметрового рифленого железа лестница. На входной двери, созданной из крашенных местами кусков оргалита, висели два листочка. На одном, висевшем справа, было написано «товароведы» и нарисованная стрелка указывала налево. На другом, висевшем слева, – надпись «менеджеры» и стрелка указывала направо.

В проходном помещении, фактически в широком коридоре, стояли несколько столов с грязными ламповыми мониторами. Это место гордо именовалось «отдел закупок». Каждое утро через этот «отдел» проходил сказочный долбоеб и придурок со звучной фамилией Долотов: начальник охраны этой «конторы». Всегда односложно перекосячившись, мерзким и скрипучим голосом приветствовал нас:

– Здрасьте, господа манагеры.

Все «манагеры» глухо посылали его на три буквы, и рабочий день начинался. Клянусь, что за все мои три месяца именно такой порядок начала рабочего дня был ежедневным.

Итак, что же такое «отдел закупок»? О! Это недоступное

пониманию простого обывателя и загадочное для него место, вокруг которого ходит огромное количество всяких сплетен, слухов и домыслов. Вам никогда не приходило в голову: откуда в магазине берутся всяческие товары, которые вы покупаете? Откуда все эти бутылки, коробки с конфетами, банки с тушенкой и презервативы, развешанные на крючочках возле кассовых аппаратов? Все эти объявления про то, что, дескать, «Сегодня проводится акция: купите два куска дерьма по цене одного, спешите сделать выгодную покупку»? Кто те люди, которые решают, какой именно ассортимент товаров будет продаваться в магазинах? «Э, брат! Это жулики». Так сказал бы Карлсон, который, как известно, живет на крыше и видит все сверху, как спутниковая разведка. На самом деле – это так называемые закупщики, или Байеры.

Если бы я рисовал плакат, призывающий в ряды Байеров, то слоганом было бы: «Улучши свое материальное положение, стань Байером!» Эти люди, не все, но некоторые, являются подпольными миллионерами, источник доходов которых – взятки. Это люди, которых ненавидит огромное количество Поставщиков, вынужденных решать их материальные вопросы, унижительно выслушивать, что же сегодня захочет Сережа из «Кэш энд кэрри» или Паша из «Армана». Вот вам вся система, изнутри и по порядку...

Представьте, что вы представитель какой-либо торговой компании. Вы производите товары народного потребления, или импортируете их из-за рубежа, или просто являетесь

крупным дистрибьютором какой-либо продукции. Вам необходимо все это продавать, ибо в этом и заключен смысл вашей работы. Вы уверены в том, что товар, который вы предлагаете, отличного качества, обладает массой достоинств и станет украшением витрины любого магазина. Вопрос, где все это продавать, не возникает, так как понятно, что это надо делать там, куда ходит больше всего покупателей, то есть в сетевых магазинах. И вот вы пишете Коммерческое Предложение и высылаете его по электронному адресу закупщика, указанному на сайте сети магазинов. И, окрыленный надеждой, ждете, когда же наконец вам позвонит радостный Байер и пригласит вас на деловую встречу в офисе. Вы подпишете контракт и будете «совместно и взаимовыгодно удовлетворять запросы конечного потребителя». А Байер все не звонит. И не ждите, что он позвонит, он НЕ позвонит. Никогда. Он давно уже забыл и удалил ваше сообщение, наряду с сотнями других подобных сообщений, которые он даже не читал. «А зачем? – рассуждает он. Все равно, если захотят, то найдут способ связаться со мной, и вот тогда-то мы и «поговорим». Ваши розовые очки давно пылятся в офисной тумбочке. Вы обзваниваете более удачливых коллег и наводите справки о том самом Байере, который так и не позвонил вам. И, наконец, понимаете, что в жизни воистину не бывает легких путей. В конце концов вам улыбается удача и вы случайно знакомитесь с коллегой, Поставщиком неконкурентного вашему товару, который отчасти из чувства со-

страдания, отчасти из самоутверждения обещает свести вас с «Наташей из «Беллы». После обещания проходит некоторое время, и вам полушепотом сообщают мобильный телефон этой «Наташи» с четкой инструкцией «позвонить через три дня в 19 часов и 14 минут». Вы звоните, окрыленный надеждой, и Наташа милостиво разрешает вам повторно выслать то же самое Коммерческое Предложение, которое она «обязательно поглядит», и «сама свяжется с вами, если оно ее заинтересует». Вы рассыпаетесь в комплиментах, благодарите за оказанное внимание и... Но в трубке уже слышатся короткие гудки. Наташа вас не слышит, она очень занятой человек. Вновь проходят две недели. Вас вызывают «на ковер», требуют результата, вы обещаете, что вот-вот все решится, но ничего не решается. В отчаянии вы звоните своему знакомому и жалуется на отсутствие всякого движения в известном ему деле. Он интересуется содержанием разговора, и далее между вами происходит следующий диалог:

– Старина, ты что, с дуба рухнул? Ты ей ничего не предложил?

– В смысле?

– Ты не понимаешь?

– Нет, не понимаю.

– Ты не заинтересовал ее?

– Как это понимать?

– Тебе надо было объявить ей размер отката от предполагаемого объема продаж.

– Ну, пусть она вышлет мне договор, там есть все эти цифры, я согласую с учредителями, и мы ударим по рукам.

– Слушай, ну ты и придурок! Да при чем тут договор! Договор – это само собой, а ей, лично ей, ты почему ничего не предложил?

– А что, надо было?

– А зачем ты вообще ей нужен в таком случае?

– Да, я был по-детски наивен. А она возьмет?

– А ты как думал?

И вот вы звоните во второй раз. Разгневанная Наташа начинает было отчитывать вас за то, что «не надо мне звонить, я же сказала, что позвоню сама, и вообще, это мой личный телефон», но вы сразу берете ее в оборот. Предлагаете встретиться в ресторане и «поболтать за чаем». Голос на другом конце телефонной линии заметно теплеет, и гордая девица разрешает пригласить ее «куда-нибудь в центр, в районе восьми вечера». Вы получаете в кассе представительские и, окрыленный, несетесь в оговоренное место. Наташа немного запаздывает. Где-то на полтора часа, не больше. Наконец она появляется. Безвкусно одетая, в золотых побрякушках, с адским макияжем. Жирная девка, ниже среднего роста. Вы мысленно сравниваете ее с табуреткой. Табуретка усаживается напротив вас, заказывает «стописят» водки, салат, минеральную воду без газа, суши, десерт и чай с бергамотом. Закуривает и произносит:

– Ну, я вас слушаю.

Вы, чувствуя себя уголовным преступником, предлагаете ей «учесть личный интерес» и погружаетесь в систему подсчетов и поиска компромисса в закупочных ценах. После того как получается обо всем договориться, она на следующий день «скидывает по мылу» договор, вы читаете его и машинально чертите на бумаге схему стартовых расходов по новому сетевому проекту:

1. Вступительный взнос в сеть – много тысяч долларов.
2. Взнос за каждую единицу товара – много тысяч долларов.
3. Взнос за каждый вновь открываемый магазин – много тысяч долларов.
4. Взнос за расширенное полочное пространство – очень много тысяч долларов.
5. Ежемесячный ретробонус: столько-то процентов от оборота.
6. Наташин интерес: все те же самые пункты, но деленные, а возможно, что и умноженные на два.

Затем вы начинаете искать, где же взять эти деньги. А взять их можно только из цены товара. Вот и приходится решать: или меньше зарабатывать самому, или переложить все эти расходы на конечного потребителя, то есть на нас с вами, рядовых покупателей. Так, из-за личных интересов таких вот Пашей, Сережек и Наташ в магазинах появляются товары, которые стоят на пятнадцать-двадцать процентов дороже своей реальной стоимости, а вы становитесь взяточ-

дателем. Вы ежемесячно встречаетесь с Байером и передаете ему пухлый конверт с купюрами, а старики не могут позволить себе лишний раз попить чайку с «вон тем печеньем», потому что оно для них дорогое, «не то, что в советское время». Паши, Сергей и Наташи покупают себе квартиры стоимостью в сотни тысяч евро, играют в казино и ездят по лучшим курортам мира за ваш счет, а вернее, за счет покупателей. А Герман Греф «на правительстве» рапортует о том, что инфляция превысила заложенный ранее показатель. Разумеется, Герман Оскарович! Превысила! С чего бы ей не превысить! С таким-то уровнем коррупции в потребительской сфере. Тут не показатели закладывать надо, а показательные порки проводить с уголовным расследованием.

Вот в таком отделе я и трудился. Моей специализацией была закупка алкогольных, безалкогольных напитков и табака. Самая доходная для магазина товарная группа, и, хе-хе-хе, не только для магазина. Я сам был таким же Байером, но почему-то не спешу раскаиваться в этом. Вы знаете, сколько у Байера официальная зарплата? Нет? Максимум полторы тысячи долларов. Хотя я слышал, что в последнее время в некоторых крупных сетях они стали получать раза в два больше. А еще несколько лет назад хозяева сами словно толкали закупщиков на преступление, выплачивая какие-то копейки за работу, которая предполагала откаты по самой своей сути. Кто знает, может быть, работодатель руководствуется здесь убеждением, что «и так наворуют, так что ж еще и я

буду деньги платить», но в результате теряет больше. Когда люди недовольны своим заработком, на них никогда нельзя рассчитывать. Такой сотрудник при малейшем удобном случае восполнит недостающий доход за счет хозяина или, что более вероятно, учитывая, что честных людей на свете больше (шутка), станет искать новую работу, а по сути – новое рабство. Потому что везде, ну или почти везде, одно и то же. Так вот, вопрос: как можно на полторы тысячи долларов жить самому, содержать неработающую жену и ребенка, машину, одеваться, ездить в отпуск, в общем, жить полноценной жизнью? Правильный ответ: никак! В Москве на эти деньги можно прожить полмесяца семье из трех человек, причем довольно экономно. А здесь вокруг тебя коммерсанты, которым ты выплачиваешь деньги за проданный товар, распределяя их из скудного, выделенного хозяином Сашей и сокращенного вдвое Мариной, крошечного «бюджета для оплаты Поставщикам».

Все сети используют для собственного развития деньги своих Поставщиков, которые являются еще и бесплатными кредиторами. На эти деньги строятся и открываются новые магазины, приобретаются квартиры для хозяйских любовниц, из них оплачивается прекрасный колумбийский кокаин. «Наркотик бизнесменов», как называла его Марина, по гнусавому носу которой и по вечно злобной возбудимости ее мужа можно было понять, что кокаин для них – это не просто пустое слово. «Circus Park» не платил никому. Ну, или

почти не платил. Долги перед Поставщиками были огромными. Зарплату нам задерживали на месяц. Поставщики стояли в очереди, лишь бы получить свои деньги. У Саши с Мариной дела шли прекрасно: на украденные деньги они, получив гражданство Великобритании, купили в Лондоне дом. Затем еще один загородный дом в Шотландии, недалеко от Абердина. Как раз в том месте, где расположен знаменитый «Stakis hotel» – приют для миллиардеров со всего мира, жаждущих уединения, хорошей экологии и дегустации коктейля из превосходного виски пополам с шотландской холмистой меланхолией. Еще парочка приобрела спортивные автомобили типа «Aston Martin». Поместила старшую дочь в частную закрытую школу и сняла офис, правда, неизвестно для каких целей, я думаю, что, скорее, для понтов, по адресу Pall Mall street, 100.

Я, сам того не желая, явился могильщиком этих горе-коммерсантов. Денег, как я уже сказал, платили мало. Поставщики подкарауливали у выхода прямо под надписью, прикрепленной над кнопкой звонка: «Пожаловаться на работу менеджеров вы можете по телефону XXX-XX-XX и электронной почте save@circus-park.ru». От унижений, оскорблений, которыми щедро одаривали нас Саша и Марина, у меня, как у человека исключительно гордого, сводило скулы до потери сознания. Кулаки, помню, сжимались так, что ногти до крови врезались в ладони. Сторчанная Марина любила, закинув одну не очень прямую ногу свою на другую такую

же ногу, поучить нас «уму-разуму» или милостиво поведать нам о том, как надо жить в фешенебельном районе Лондона, Челси. Ее саму и ее злобного коротышку-мужа откровенно бесило то, что я всегда мог поддержать их хвастливые рассказы об их заграничных вояжах, так как ездил не меньше, чем они, много чего видел, в том числе и такого, что не показывают туристам. А они, со всеми своими наворованными миллионами, остались тем же быдлом, что и были от рождения. Потомки кухарки, так и не смогла управлять государством. Вороватые, подлые твари. Нувориши, блядь. А Саша решил было обезопасить себя депутатским иммунитетом и сделался кандидатом в Государственную думу! Но знаем мы таких депутатов «на свой карман»! Поэтому он так кандидатом и остался. Избиратели к тому времени уже научились разбираться, кто по-настоящему достоин депутатского кресла, а кто спасается в нем от тюремных нар или, подобно покойному ныне психопату Марычеву, гулявшему по залу заседаний с накладными женскими грудями, эпатирует окружающих. Не надо нам таких «депутатов». Хорошо еще, что Ходорковского депутатом не избрали, а то сидел бы сейчас вместо тюремного карцера на своей вилле, где-нибудь в Малибу, и строчил бы мерзости наравне с Березовским. Ха-ха-ха! А вот забавно представить, как двое этих маргиналов, подобно Ильфу и Петрову, сочиняют сценарий очередной оранжевой революции, сидя за одним столом. Смешно и грустно.

«На свой карман» – это выражение придумал кто-то из

нас двоих. Или я, или Серега Минаев. Так и повелось с тех пор. Частенько, когда мы упивались часовыми беседами по телефону, по нескольку раз в течение дня, мы обменивались примерно таким вот набором фраз:

– А этот Паша-то, он кто такой?

– А он этот, как его? Категорийный менеджер!

– Менеджер? Категорийный? Знаем мы таких «менеджеров», на свой карман.

Классическое выражение из творческого наследия нашей дружбы, о которой я еще обязательно расскажу.

Из облезлого офиса «Circus Park» я ушел с гордо поднятой головой и платиновой кредиткой в кармане. Мотивировка моего увольнения не звучала никак. Ее просто не было. Меня «попросили», и все. Кое-кто меня сдал. А на следующий день мне позвонил один знакомый менеджер из алкогольной компании:

– Марк, а ты в Circus не работаешь больше?

– Нет, меня вчера уволили. А ты откуда знаешь?

– Да все знают. Они всем письмо о тебе разослали.

– Письмо? Какое письмо? Что в нем написано?

– «Администрация «Circus Park» сообщает о том, что освободила Марка Вербицкого от должности менеджера по закупкам алкогольной продукции из-за утраты доверия к нему».

– Что, правда?

– Марк, ну зачем мне тебе врать? Ты всегда нам помогал,

мы тебе благодарны, если тебе понадобятся деньги, мы тебе поможем. Звони, если что.

Знакомый повесил трубку, а я задохнулся в бессильной злобе, представив себе, как эта кривоногая образина Мари-на копается в моем компьютере, который я даже не успел почистить. Находит список электронных адресов моих поставщиков, злорадно улыбается пришедшей ей в голову пакости и пишет это ставящее, по ее мнению, крест на моей карьере письмо.

Ярость затмила мой разум, я был готов схватить некий предмет, подарок знакомых бандитов, которые стали коммерсантами и которым я очень помог в свое время раскрутить их вина на рынке, и поехать начинить Сашу и Марину свинцовыми каперсами. Но взял себя в руки и передумал. Вместо этого я сел за компьютер, открыл свой ящик на Yandex, вбил в строку «Получатели» адреса всех известных мне торговых организаций Москвы, числом более ста, и написал письмо следующего содержания:

«Дорогие и уважаемые друзья!

Я хочу довести до вашего сведения, что я более не являюсь сотрудником «Circus Park». Сегодня, после некоторых раздумий, я решил написать заявление об увольнении по собственному желанию. В этом коротком письме я хотел бы дать объяснение своему поступку и предостеречь всех вас от необдуманных шагов. Все дело в том, что эта компания принадлежит двум, безусловно, ненормальным психически

субъектам, которые вообразили себя хозяевами жизни и тому подобное. В общем, типичной семейной чете «новых русских», место которым на кладбище истории давно забронировано. Эти, вне всякого сомнения, нечистоплотные и непорядочные люди решили, что они безнаказанно могут всячески пользоваться вашими деньгами в свое собственное благо и устраивать свою собственную «dolce vita» за ваш счет. Прикрываясь наличием в собственности нескольких магазинов, эти люди заключили множество договоров на поставки с теми из вас, кто не заботится об экономической безопасности собственного предприятия, по простоте душевной полагаясь на честность и порядочность двоих негодяев. Людей этих заботит лишь собственное благополучие, достигаемое ими любой ценой. В связи с нежеланием корректного расчета за поставки товара с вами и во избежание в дальнейшем судебного преследования, они за ваши деньги получили гражданство Великобритании и назначили на должности генерального директора и главного бухгалтера обыкновенных наемных сотрудников с исключительно номинальными полномочиями. Эти сотрудники в случае судебного преследования смогут рассчитаться с вами лишь скромной личной недвижимостью и собственной свободой. Работая некоторое время внутри этой, вне всякого сомнения, криминальной системы, я четко усвоил для себя невозможность лгать всем вам об истинном положении дел внутри ее. Оно таково, что никто не собирается не только вовремя и в срок рассчитывать-

ся с вами за поставленный товар, но и составил договор поставки столь хитро, что при условии подписания этого договора без тщательной юридической проработки вы рискуете еще и проиграть судебный процесс. Что, безусловно, вызовет положительную реакцию со стороны четы негодяев, владельцев «Circus Park». Не желая становиться лжецом, подлецом и бандитом, я предостерегаю вас от дальнейшей работы на любых кредитных условиях с этой организацией, так как поставки вне условий предоплаты делают абсолютно убыточным ваш бизнес. Неужели вы настолько расточительны, что готовы за бесценнок «сливать» ваш товар негодьям, которые наживаются за ваш счет и довольные потирают руки!» И все в таком духе...

Семена, посеянные мной, упали на благодатную почву: письмо попало по назначению и явилось для многих торговых компаний «последней каплей», окончательно рассеяв их сомнения относительно перспектив дальнейшего сотрудничества с «Circus Park». Они начали заваливать мерзавцев судебными исками, и через четыре месяца после моего увольнения злой гном Саша и кокаиnistка Марина навсегда уехали на родину туманов, прихватив несколько миллионов долларов своих обманутых Поставщиков. Минаев назвал «Circus» «худшей помойкой в моей жизни».

Саша и Марина, ведь вы помните меня, правда? Я думаю, что помните и никогда не забудете. Вы изрядно выпили у меня крови, но и я вас тоже помню. И знаю, где вы живете.

Я все о вас знаю. Думаю, что в Англии, когда я приеду туда на пару недель, я легко смогу купить корабельный сурик и железную канистру для бензина в гипермаркете «Tesco», расположенном неподалеку от вашего загородного шотландского домика, и разыскать где-нибудь кусок алюминия и напильник. Двух недель мне вполне хватит. Почтальон всегда звонит дважды. До встречи.

Шоу Клинтона в Кремле

1998 год. Осень. Грустная московская осень. «Альфа-групп» проводит сокращение сотрудников в связи с экономическим кризисом. Я оказываюсь на улице... Почти сразу после дефолта в Москву с официальным визитом приезжал Билл Клинтон. В обед я вышел из офиса на Новый Арбат и перешел по подземному переходу на правую, четную, сторону. Перед тем как спуститься вниз, я обратил внимание на совершенно очищенную от автомобилей проезжую часть. А когда поднялся, то увидел, как со стороны американского посольства на Новинском бульваре выезжает кортеж американского президента. Автомобили в его составе были, конечно, не такими дорогими, как в кортеже Российского Президента Ельцина, а я частенько наблюдал за тем, как он пронесся то из Кремля, то в Кремль, иногда по несколько раз в день. И сразу становилось понятно, что Ельцин куда-то спешит, что он работает, ездит с кем-то встречаться, очевидно. Вот, правда, вопрос: с КЕМ это в Москве ездит встречаться Президент? И кто этот кто-то, что ездят к нему, а не сам он приезжает в Кремль? Наверное, какой-то инвалид государственного значения.

Через несколько секунд «Cadillac Fleetwood» – машина, на которой, как я знал, ездил Клинтон, поравнялась с моей одинокой фигурой, стоявшей на тротуаре, и стала удаляться

в сторону Кремля, а я вдруг подумал:

«Вот сейчас, в этой длинной американской машине, за слоем танковой брони, мимо меня только что проехал самый могущественный человек в мире. По его приказу целые народы стираются с лица земли, «улицы тонут в крови непокорных (copyright by Beavis & Bathed)». Половина планеты сидит на долларовой игле. Корабли NASA бороздят космос. Агенты ЦРУ свергают и назначают новые правительства в странах третьего мира, подопытных кроликах США, Hollywood становится образом мыслей, а лидеры некоторых стран СНГ регулярно получают от конгресса США скромную зарплату на свои счета, ну скажем, в Лихтенштейне. И если Папа Римский, наивный и милый старик, изуродованный пулей фанатика, но являющий всему миру стойкость, мужество и победу духа над плотью, – это наместник Господа Бога на Земле, то тот, кто проехал сейчас мимо меня, – это наместник князя мира сего, поставленный им над народами разделять и властвовать».

Зачем приезжал тогда Клинтон – почти никто не знает, но, сопоставляя тот неоспоримый факт и то, что аккурат перед его визитом в России грянул кризис, моему нездоровому воображению представляется следующая картина:

В Кремле, непременно в самом красивом, Георгиевском, зале, рядами расставлены золоченые кресла. Их не менее сорока, по числу приглашенных. Перед креслами на барном высоком стуле стоят ноутбук VAIO, так и не сертифициро-

ванный в России, но закупленный для нужд Администрации Президента, проектор IBM, лежит беспроводной микрофон. Еще один такой же стул стоит рядом. На стене висит огромный, в два человеческих роста экран. На экран спроецирована заглавная картинка презентации в Power Point – это надпись на двух языках: русском и английском: «Pizdec in Russia. Now or late, perspective and reality».

Открываются двери, входят чиновники из окружения Ельцина. Заметен Кириенко. Он открыто нервничает, о чем-то непрерывно шепчется с Бородиным, Чубайсом и Коржаковым. Без конца поправляет норвежские очки. Затем зал заполняют одинаковые люди в черных очках, и все как один с правой рукой, заложенной за лацкан черного пиджака. Они могучего сложения, мощные челюсти непрерывно двигаются, пережевывая что-то, у каждого из них в правом ухе наушник – это американские спецслужбы, охраняющие Клинтона.

В зал семенящей походкой вкатывается Мадлен Олбрайт. Она надменна, на голове у нее строгая английская шляпка-таблетка с черной густой вуалью, наполовину закрывающей лицо. Она ни с кем не здоровается, брезгливо поджимает губы, сразу проходит вперед и занимает второе кресло справа от середины в первом ряду.

После появления Олбрайт все понимают, что вскоре все начнется, и рассаживаются по креслам: русские слева, американцы справа. Вперед выходит конференсье Святослав

Бэлза и внушительно объявляет:

– Дамы и господа, Президент Российской Федерации!

Все встают, играет Государственный гимн «Славься», в зал входит Ельцин. Придирчиво осматривает ряды сидящих и вдруг указывает на кого-то рукой, говоря при этом: «Вы не там сели. Пересядьте». Кто-то, кажется, это Степашин, очень сконфуженный, пересаживается куда-то в задние ряды. Его место занимает суровый академик Примаков.

Ельцин проходит в первый ряд, садится в центральное левое кресло.

Вновь выходит Бэлза:

– Дамы и господа, Президент США!

Все встают, играет «Янки Дудль», в зал входит Билл Клинтон. В руке он несет саксофон в футляре, улыбается всем присутствующим белозубой улыбкой, жмет руку Немцову и Хакамаде, которая пытается сделать реверанс, но Клинтон останавливает ее, шуточно прижимая палец к губам. Он также проходит в первые ряды кресел, садится рядом с Ельциным, ставит футляр между ног, складывает руки на груди и картинно откидывается на спинку кресла.

Откуда-то сбоку, из неприметной дверцы, выходит полный интеллигент в свитере и очках. Он уверенно проходит к стульям, садится и берет в руку микрофон. Все напряженно молчат. Глеб Павловский (а это, безусловно, он) достает из кармана просторных твидовых брюк лазерную указку и, мило картавя, говорит в микрофон:

– Здравствуйте, дамы и господа, уважаемые главы государств. Сегодня мы собрались здесь, в этом узком кругу, чтобы презентовать новый план развития России на ближайшие год-два, а именно до декабря 2000 года. Затем мы планируем презентовать новый план развития, но, возможно, что и не в таком составе, как сегодня.

При последних словах Павловского некоторые российские чиновники начинают заметно нервничать. Березовский достает из портфеля сверток с бутербродами и начинает суетливо набивать рот кусками хлеба, сыра и датской колбасы «Салями» неестественного цвета.

– Мы, – продолжает Павловский, – с сожалением вынуждены констатировать, что по привычке, доставшейся нам с советских времен, мы перевыполнили наш план по созданию в России среднего класса. Мы нарушили естественную иерархию: у нас еще не появился как таковой класс олигархов, а средний класс уже громко заявил о себе, аккумулировав у себя в виде собственных накоплений огромные финансовые ресурсы, которые необходимы нам для построения нормального общества, в котором будут олигархи (при этом Павловский не забывает щелкать табулятором на ноутбуке, и все видят на экране фотографии: улыбающегося детской обворожительной улыбкой Романа Абрамовича с футбольным мячом, очень грустного Ходорковского, серьезного Вагита Аликиперова с клюшкой для гольфа – третий номер). Наша доморощенная Пэрис Хилтон – фотография Ксении Собчак.

Региональная элита – фотография губернатора Дарькина и политика по прозвищу Винни Пух. Гламурные писательницы – фотография Оксаны Робски, моющей бриллианты с помощью жидкости для мытья посуды, и будет тот самый средний класс, что и сейчас, но все это – чуть позже и не стихийно, а поступательно, согласно плану. И сейчас мы все поблагодарим главного спонсора нашей акции под названием «Новой России – Новых граждан» господина президента Соединенных Штатов!

Все встают, хлопают в ладоши. К стульям выходит Клинтон, в его руках расчехленный сияющий саксофон, на который большинство присутствующих смотрят, как замороженные дети на слона в зоопарке. Он явно наслаждается своей значимостью и безграничной властью.

– Дорогие россиские дрУзья, я нишево не могу тобавить к спич гошподин Пафлофски, но я лючше сиграть тля фас ту сопственний default-foxtrot.

Клинтон вскидывает свой инструмент к губам, раздаются первые звуки музыки, появившаяся обслуга уносит золоченые кресла из зала и начинает разносить шампанское «Ruinart» и канапе на огромных тарелках, украшенных изображением медведя и двуглавого орла. Ельцин вальсирует с Мадлен Олбрайт, что-то шепчет ей на ухо, и она смеется залихватским смехом.

Я тряхнул головой, видение пропало. По Новому Арбату проносились автомобили, у пунктов обмена валюты вы-

строились огромные очереди жаждущих купить доллары за ежечасно обесценивающиеся рубли. Толпа человек с тысячу осаждала вход в отделение «Мост-банка», в воздухе витала такая безысходная безнадега, что я совсем не удивился, когда в мой мозг проникла мысль о бегстве из этого города. Куда угодно, лишь бы не видеть эти пустые лица людей, ограбленных и потерявших надежду.

Америка? Молдавия!

Обедал я обычно в каких-нибудь тошниловках, которых всегда было предостаточно в районе Арбата. Вот и тогда, в тот судьбоносный день, я забрел в какой-то кабачок с объявлением о business launch перед входом. Тяжело опустившись на деревянный стул за чистеньким столиком, я огляделся: народу было мало, человека четыре, не больше. В дальнем углу обедали какие-то смуглые иностранцы: изредка говорящие между собой по-испански мужчина и женщина. Еще одна, молодящаяся дама лет сорока пяти, вся как-кая-то высохшая, со следами былой красоты на ухоженном лице, пила розовый «Zinfandel» и курила тонкую сигарету. «Видала виды», – машинально подумал я. Это самый интересный для меня тип женщин. Интересный не для секса, хотя с ними приятно заниматься любовью до самоосушения. Они – как хороший выдержанный коньяк: никогда не подводит, не разочаровывает, и много его не выпьешь. Я охарактеризовал бы этот возраст женщины двумя словами: опыт и страх. Страх перед надвигающейся старостью, климаксом, потерей привлекательности. Страх, который придает женщине страстность и жадность. В этом возрасте женщина в состоянии творить в постели безрассудные чудеса. Это воистину последняя лебединая песня, после которой уставшая от жизни женщина смахивает на отслужившую свой срок ка-

равеллу, которая тихо занимает свое место на корабельном кладбище и смотрит на морские закаты пустыми глазницами выданных с мясом иллюминаторов...

Прямо напротив меня, через стол, сидел человек, который чем-то привлек мое внимание. Я пригляделся к нему и вдруг понял, что он поразительно напоминает артиста Вячеслава Тихонова в легендарной роли советского разведчика. Сходство со сценой немой встречи Штирлица с женой, когда его дают крупным планом, было почти абсолютным: он так же прихлебывал пиво из стеклянной кружки, курил сигарету, держа ее меж пальцев, ближе к их основанию, и при затылке поднося ко рту полураскрытую ладонь. Тонкие черты лица, выразительные глаза, неброский пиджак – ничего особенного в этом человеке не было, если не считать того факта, что фильм «Семнадцать мгновений весны» всегда был для меня самым особенным фильмом, а Вячеслав Тихонов кем-то вроде Бога.

Мне всегда безумно жаль того, что произойти могло бы, но никогда уже не произойдет. Никогда не будет снят фильм-продолжение «Семнадцать мгновений». Ведь романы-продолжения – «Приказано выжить», «Экспансия» и завершающий цикл роман «Отчаяние» – это шедевры! Я вообще считаю, что творчество Юлиана Семенова – это неисчерпаемый колодец познаний в самых разных областях, прежде всего в области геополитики. Его цикл о Штирлице – это гениальный и высокоточный анализ послевоенного раздела мира на

зоны влияния, которые не изменились до сих пор. Юлиан Семенов работал с первоисточниками в архивах нескольких государств во времена советского железного занавеса. Ему одному были открыты многие тайны. Обладая блестящим, аналитическим умом, он многое предсказал. Его жизнь для меня – одна из наиболее интересных писательских жизней. Я склонен сравнивать его с Хемингуэем. Сам Семенов никогда не играл в фильмах, снятых по его сценариям, но у него есть прототип – это великолепный Петренко в роли американского журналиста Пола Дика в фильме «ТАСС уполномочен заявить». В этом персонаже Семенов выписал самого себя – бородатого интеллектуала с трубкой, равнодушного к виски. Книги Семенова – это мое «самое-самое». Обязательно встречу с ним и с Булгаковым, когда придет время.

Мне принесли заказ: какой-то салатик, плошку супа и тарелку риса с рыбным стейком. Поставили передо мной огромную кружку ледяного пива, которую я сразу же осушил наполовину: трубы горели, пил тогда каждый вечер, старался снять стресс перед грядущим увольнением и частенько перебирал.

Алкоголь сделал свое дело: стало легче, мир вокруг упростился, испанцы стали вдруг почти понятными, дама под «Зинфанделем» показалась очень симпатичной, в степени возбуждения «позвал – поехали», а «Вячеслав Тихонов» вызвал нестерпимое желание перекинуться хотя бы парой слов. Музыка в зале была совсем ненавязчивой и тихой, поэтому

я, не напрягая связок, произнес, обращаясь к нему:

– Простите, а вам никто не говорил, что вы поразительно похожи на Штирлица?

– Разумеется, говорили, – невозмутимо отвечал мой визави, – я не только внешне похож на него, но когда-то я имел отношение почти к тому же, что и он.

– Да что вы говорите! Вы что же, разведчик?

Мое лицо исказила гримаса недоверия, смешанного со скукой и досадой оттого, что я зря начал этот разговор, а мой собеседник кивнул:

– Вы позволите, я пересяду за ваш стол, ни к чему орать на весь зал, или, если хотите, вы подсаживайтесь ко мне?

– Пожалуй, лучше вы ко мне, у меня как-то уютнее. Угол все-таки, и входную дверь прекрасно видно, а для разведчика это же первостепенное дело, контролировать вход и выход.

– Ну что ж, сейчас.

С этими словами мой визави встал из-за стола, оказавшись человеком довольно высокого роста, и, взяв в правую руку недопитую кружку пива, подошел ко мне. Сел. Протянул руку:

– Позвольте представиться, Ку́ку Игорь Иванович.

– Как, простите, ваша фамилия? – спросил я, едва сдерживая смех и вспоминая Светлану Крючкову в роли злобной румынской учительницы по прозвищу «мадемуазель Ку-Ку».

– Куку, с ударением на первый слог, – терпеливо произнес мой новый знакомый. – Это молдавская фамилия. Да и сам я оттуда.

– Ах, вот оно что! Тогда понятно. Прошу меня извинить, но...

– Без проблем, я привык.

– Марк Вербицкий, москвич, из Москвы. Да. Знаете – это очень интересно, что вы именно молдаванин. Я работаю в организации, торгующей, ну, или торговавшей до недавнего времени молдавским вином, а в Молдавии ни разу не был, представляете?

– Жаль, очень жаль. У нас теперь очень красиво.

– А девушки?

– Что девушки?

– Девушки у вас как, того? Симпатичные?

– Да, – собеседник задумался, – симпатичные, даже, наверное, красивые.

– А вы зачем в Москву? По делам?

– Ну да. Думаю бизнес тут наладить. Винный.

– Винный? Да что вы? Никому не нужно сейчас молдавское вино. Из-за курса доллара оно стало очень дорогим, и его никто не покупает.

– Я знаю. Я хочу предложить кому-нибудь сырье, виноматериал, из которого делают вино, и вот думаю, с чего бы мне начать.

Пелена неопределенности разом спала, и я в алкогольной

эйфории вдруг увидел перед собой прямую дорогу, обсаженную по бокам деревьями с золотыми монетами вместо листьев.

– А давайте я вам помогу? Да! В самом деле! Я в Москве всех знаю, особенно людей из винного бизнеса.

– Это интересно, надо подумать.

– Ну, тогда за встречу!

Мы чокнулись кружками, сделали по большому глотку и заказали еще пива. На работу с обеденного перерыва я решил не возвращаться.

Через полчаса мы сидели и оживленно обсуждали детали предстоящего предприятия. Чертили какие-то схемы на каких-то салфетках, затем в состоянии среднего алкогольного опьянения попрощались, обменявшись телефонами.

Спустя несколько дней меня уволили. На семейном совете мы с Лерой решили уехать в США. Навсегда. И гори все синим пламенем. Решение решением, а вот с его воплощением в жизнь все обстояло очень туманно. Я потолкался в толпе, каждое утро собиравшейся возле американского посольства, послушал, что говорили люди. Все надеялись и верили, что за океаном их ждет чудесное преобразование. Что стоит им только получить вожеленную наклейку VISA в паспорт, их жизнь круто изменится. Но получить визу – это было делом небывалым. Почти все, кто простаивал тогда часами под звездно-полосатым флагом, получали отказ. Я не оказался исключением. Придя на интервью, я ожидал своего вызова

в накопителе. По громкой связи женский голос на ломаном русском произнес: «Вержбицкая Анна и Вержбицкий Марк, номер два». Я сразу понял, что из-за сходства в написании мою фамилию спутали с фамилией какой-то Анны, и если не объяснить этого консульскому работнику, то я могу ожидать вызова вплоть до закрытия посольства и вообще никогда могу его не дожидаться. Меня пометят как «не пришедшего по вызову», и на повторное интервью уже не запишут. Я вместе с какой-то теткой ринулся к названной кабинке. Вместе мы предстали перед американкой за стеклом и сбивчиво стали объяснять ей суть ее ошибки. Причем я начисто забыл то, чему меня учил Майкл Стэнли – один знакомый еврей из Нью-Йорка, устроивший мне вызов. Никогда, ни при каких условиях не говорить по-английски во время интервью. Это вызывает подозрения, а по лицу сидящей за стеклом чинуши я понял, что их у нее уже более чем достаточно. Я, улыбаясь во весь рот и оживленно жестикулируя, оттер свою неудавшуюся тезку от окошечка и целиком завладел вниманием американки.

- Who and what for invites you?
- Stanley Michael, your citizen.
- Who is Stanley Michael for your?
- My good friend.
- How long you are familiar?
- About three years.
- Under what circumstances you have got acquainted?

– Mmmmm... – К такому повороту разговора я не был готов. – We... have got acquainted... mmm...

– Ok, sir. I don't have any questions more. Please take your passport and go to an exit.

– Listen, but it is incredible, stand! We have got acquainted in a choral synagogue here in Moscow. I go to have a look at life of the Jewish community!

При этих словах тетка за стеклом невероятно напряглась, черты ее лица хищно заострились, рот осклабился в злобной гримасе ненависти, и она буквально прохрипела:

– I've told you completely clearly. You may not drive in USA owing to your financial inconsistency. Immediately go to an exit! Don't detain the others!

Как побитая собака, чувствуя себя идущим по территории какого-то гетто с нашитой белой звездой на спине, я поплелся к выходу под насмешливые взгляды и перешептывания сидящих в накопителе людей.

– Вишь ты, завернули, видать, жиденка-то, загрустил, – насмешливо произнес какой-то здоровый рыжий жлоб своему соседу с явным расчетом на то, что я услышу.

– Ага, вон какой понурый. Не по его, видать, вышло.

В глазах у меня потемнело. Я запихнул оскверненный штампом отказа паспорт во внутренний карман куртки, распрямился и, не оборачиваясь, вышел на улицу. Сел в машину и стал ждать.

Я не терплю унижения собственной личности. Я могу за-

болеть от этого. Сидя в машине, я поглядывал на выход из желто-белого здания, над которым развевался флаг недоступного для меня государства. Наконец я дождался: рыжий жирный увалень вышел, запахивая пальто на ходу, нелепо взмахнул руками и рухнул на асфальт. Маленькая злобная пулька-пчела укусила его в рыхлую потную ляжку. Вреда здоровью это не принесло, кость не была задета. Уж что-что, а опыт точной стрельбы из всего, что может стрелять, у меня наработан еще со времен, когда я стрелял из детской рогатки. Птиц я не убивал. Как, впрочем, кошек и собак. А вот расколотить с двадцати метров стеклянную банку из-под болгарского компота для меня проблемы не составляло.

Вначале никто не отреагировал: подумаешь, упал человек. Через минуту над толпой раздался истеричный женский вопль: «Человека убили!»

В тот момент, когда рыжий ксенофоб, завывая, закатывал глаза, держась за ранку, которая для него на самом деле была как для слона дробина, я стоял в пробке на перекрестке возле здания бывшего СЭВ и свинчивал с «Walther РРК» здоровенный самодельный глушитель. Не надо думать, что можно безнаказанно оскорбить меня, да еще и в такую минуту и таким паскудным образом. Стереотип о хилом и забитом еврее в моем случае не действует. После того как я приобрел у знакомых бандитов несколько стволов «на всякий случай», волю кулакам я стал давать только в спортивном зале, избивая мешок.

Самым тяжелым, самым гадким оскорблением я считаю оскорбление по национальному признаку. Да, не спорю, между культурами есть различия, так было угодно Богу. Личное дело каждого: есть плов руками, заливаться водкой, не есть свинину, отделять молочное от мясного, носить на лбу забавную черную коробочку, скакать на тройках с бубенцами под бледной луной, играть странную музыку на странных музыкальных инструментах, носить килт, поливать все кетчупом. Все мы разные, и все мы одинаковые. Мы – люди. Когда кто-то с короткими усиками и челкой, скошенной на лоб, начинает орать что-то про превосходство арийцев, про неполноценных славян, про окончательное решение еврейского вопроса, когда его последователи, упыханные планом и с восторгом павианов нацепившие на соски свастику, в мистическом экстазе рвут глотку в вопле «Зиг хайль!» – это уже не проявление культурных традиций. Это причина, чтобы продырявить ширококостный лоб пулей калибра 6,35. Все равно – не переучишь.

Итак, надеждам уехать в Америку было не суждено сбыться. Мы с Лерой пили коньяк на кухне ее крошечной тридцатиметровой квартиры и размышляли о том, что делать дальше. Коньяк, как всегда, подсказал правильный ответ: я пошарил в карманах и отыскал телефон Куку.

– Понимаешь, Лера, – это сейчас единственный шанс заработать хоть какие-то деньги. Придется уехать в Молдавию. Возможно, что надолго. Перед этим мне надо будет слетать в

Екатеринбург и Тольятти, там у меня есть друзья на местных винных заводах, если получится, то все будет прекрасно, уж квартиру-то мы точно поменяем.

– Да уж, Маркус. Ребенку уже пять лет, и мне до смерти надоело трахаться, лежа на кухонном столе.

– Вот и я о том же. Оставлю вам денег. Половину от тех, что есть. Продам машину, еще что-нибудь и поеду. Черт с ней, с Америкой.

– Ты знаешь, я тоже подумала: что бы мы там делали? Ведь у нас никого там нет.

– Да. А вдруг бы мне дали визу, а тебе не дали?

– По крайней мере, ребенка бы точно пришлось оставить на неопределенный срок здесь, у моих родителей, а они совсем уже старики. Нет, все это к лучшему.

– Ты знаешь, я застрелил сегодня какого-то придурка.

– Да прекрати ты! Хватит шутить, серьезную ведь тему обсуждаем!

– Ну да, да... Шутка действительно неудачная.

– Дурень, пошли спать, утром поговорим.

Утро было хоть и похмельным, но не сняло решимости ехать и работать. И я начал: повесил в Интернет объявление о продаже машины за смешные деньги, чтобы ушла сразу, позвонил в Екатеринбург и Тольятти, договорился о встрече, спустился вниз, зашел в авиакасса, вход в которую был с торца дома, и купил себе билет. На следующий день я улетел.

Коммерческим директором Тольяттинского винного за-

вода оказалась любовница учредителя – загорелая девчонка по имени Аделя. Я зашел в ее большой, со вкусом обставленный, чистейший кабинет, расположил ее к себе поцелуем руки и всеми силами попытался показать ей, что она, как женщина, произвела на меня ошеломляющее впечатление. Мы проболтали полтора часа обо всем понемногу. О деле проговорили всего ничего, и я пригласил Аделью к себе, в гостиницу. Она засмеялась и сказала, что заедет после работы, «если папа разрешит».

В восьмом часу вечера того же дня я провел довольно много времени между ее восхитительных ног, заставляя ее подниматься выше самых высоких деревьев несколько раз, не используя при этом свой главный аргумент, а после того, как она вдоволь налеталась, я удовлетворил свою страсть, долго пlying в ее потоке. Вылететь в Москву на следующий день не получилось, Аделя приезжала утром, в обед и вечером. Пришлось сдать билет и задержаться в Тольятти на неделю, причем в довольно необычной для меня роли куртизана-затворника. Я жил в трехкомнатном номере, никуда не выходил, по три раза в день принимал у себя Аделью, «папочка» которой, очевидно, мало что мог и смог последний раз около года назад, после чего укатил в Испанию и там попал в больницу с переломом шейки бедра, полученным в результате падения с высокой кровати в травести-борделе Барселоны. Я ел какие-то блюда, которые она заказывала для меня в городских ресторанах, ходил по номеру нагим, в об-

нимку с бутылкой коньяка. Вот за это я всегда с ностальгией вспоминаю свой маленький винный бизнес. Ведь он начался с такой восхитительной физиологической прелюдии по имени Аделя. Она сама отвезла меня в аэропорт, я пригласил ее в Молдавию, и она обещала приехать. Поглядеть образцы вина и провести со мной свой отпуск.

Совершенно прозрачным от беспробудного пьянства в коктейле с развратом я предстал перед таким же прозрачным, как и я сам, коммерческим директором екатеринбургского винного завода с говорящей о его отношении к жизни фамилией Хренов. С первого взгляда, оценив состояние друг друга, мы прямо в его кабинете немного подлечились, и я понял, что тут тоже все будет в порядке, и не ошибся. Вечером Хренов со своим другом-миллионером посадили меня в «Hummer», и мы поехали зажигать по всем ночным заведениям этого города. До сих пор я, несмотря на принятую чрезвычайную дозу алкоголя, в деталях помню этот «трип», где в одном из кабаков я встретил своего закадычного знакомого – Фанерного-младшего.

Знакомство с Фанерным случилось в 1996 году. Я работал тогда в одной очень известной алкогольной московской компании, производящей водку, название которой сейчас у всех на слуху. Помимо этого, компания была еще и импортером продукции одного из самых мощных западных алкогольных концернов. Я пришел туда осенью 1996 года, сразу после окончания университета, обыкновенным торговым

представителем и через месяц уехал в командировку в Надым. Да, есть такой городок на «малой Земле», там очень холодно, там добывают газ и нефть, и золото, и еще много чего, и там невозможно поселиться в гостинице. Потому что все они ведомственные, и, для того чтобы рухнуть в долгожданную кровать после ночного перелета, мне пришлось сперва покемарить в вестибюле одной из них: одноэтажном деревянном строении номеров на двадцать.

Надым – жуткое место. Климат, с моей точки зрения, неприемлем для жизни: холодно и голодно, но здесь живут люди. Хорошие, между прочим. Например, такие, как Николай Васильевич Гоголь. Честное слово, я не прикалываюсь! Именно так звали человека, самого крупного в этом городе предпринимателя и владельца сети супермаркетов под названием «НИГО». Я нашел его номер в телефонной книге гостиницы, причем номер домашнего телефона. Позвонил, представился. Полный тезка любимого мною русского писателя оказался прекрасным человеком. Он прислал за мной «Hummer», а это очень популярный грузовик у региональных бизнесменов силового плана, напоил чаем, показал мне несколько своих магазинов, которые уже в то время не уступали многим лучшим сегодняшним московским, подписал договор и сделал мне первый заказ, который я торжественно продиктовал по телефону в Москву. И, что самое главное, он позвонил куда-то, и я торжественно въехал в одноместный номер гостиницы «Людмила» Министерства

газовой промышленности РФ. Там была кровать, телевизор и душ. Я был на седьмом небе от счастья. Прекрасно, когда что-то получается, да еще и вот так, как в сказке. Николай Гоголь повел себя как добрый самаритянин. Лишь много позже я понял, что он принадлежал к совершенно особому сорту людей, понявших в этой жизни главный принцип, принцип чистого света. Таких людей я встречал совсем не часто, но теперь я знаю, что каждая встреча с человеком, подобным Гоголю, наполняла мое, довольно животное, естество человечностью. У них много завистников. Зависть, которая так привычна там, где есть для нее почва, не дает своим, ослепленным ею, рабам видеть причину того, чему они так страстно завидуют, сжигая себя и радуя врага рода человеческого. Рабы зависти только завидуют, но не видят пути, которым следует тот, кому они завидуют. Они считают, что у того или иного человека всего несправедливо много. Славы, денег, счастья. А тот факт, что все это дано ему в обмен на его труд, на то, что я называю «мирской праведностью» – жизнь без сознательного совершения аморальных и бесчеловечных поступков, жизнь в мире с самим собой, ускользает от их понимания. Не надо никому и никогда завидовать, а то так и будешь вечно стоять на одном месте среди голой пустыни, и никто никогда не принесет тебе и глотка воды...

Из Надыма я попытался вылететь. Сперва в Новый Уренгой, потом в Сургут, но выяснил, что лучше сделать это через Москву, и я вернулся. Вот так я облетал всю нашу стра-

ну менее чем за год. Не был я только в Норильске и в Якутске. Один из главных моих клиентов – компания «Уралмаш Lounge» находилась в Екатеринбурге и принадлежала одному из братьев Фанерных. Другому брату Фанерному принадлежала компания-конкурент под названием «Уралмаш Premier Beverages». Братья конкурировали жестко. Ненавидели один другого до такой степени, что организовывали друг на друга покушения! Один, собираясь провести вечер в ресторане, высылал вперед бригаду телохранителей, которые должны были следить за тем, чтобы поблизости не было такой же бригады, посланной другим. Какой-то несчастный менеджер, который работал сперва в «Lounge» и которого затем переманил «Premier», был найден в багажнике собственного «Mercedes». С отрезанной головой, в рот которой была вставлена мертвая крыса.

Конец всем этим безобразиям положил Верховный Жрец, по кличке «Мечека», учредитель головной компании «Уралмаш Brothers». По его приказу оба брата встретились в его скромном жилище, в зеркальном зале приемов, пожали друг другу руки, поцеловались по обычаю всех исповедующих культ Черной Луны, и вражда между ними, по крайней мере, внешняя, совершенно прекратилась.

Фанерный всегда принимал меня, да и любого представителя от своих Поставщиков, очень радушно: лучшие гостиницы, лучшие проститутки, лучшие рестораны, все, что душе угодно. Он даже поддавался на бильярде, да так искусно,

что я, державший до игры с ним бильярдный кий всего два раза в жизни, с легкостью выиграл у него подряд три партии, чем был страшно доволен.

В Екатеринбурге все также прошло очень удачно. С Хреновым и его другом – местным алкогольным королем с гламурной фамилией Вертинский установились отношения, именуемые «мужской дружбой» или некоей взаимной симпатией, основанной, прежде всего, на совместных пьянках, кураже друг перед другом, забавах с проститутками, употреблении легких наркотиков вроде кокаина и марихуаны и походах в казино.

Про себя я прозвал Хренова «дитя порока». Это был человек, который сделал порок своей персональной религией, своим кумиром, и кумиру этому он непрестанно воздавал почести. Он непрерывно зажигал, бухал, курил дурь, проигрывал без зазрения совести деньги Вертинского в различных казино, но особенной его страстью были продажные девки. По его собственному признанию, он переболел всеми известными венерическими заболеваниями, но, похоже, это его несколько не смущало, и он продолжал прожигать жизнь в объятьях Снежан, Кристин, Луиз и прочих дамочек с выдуманными именами.

Вот интересно, а зачем проститутки выдумывают себе псевдонимы? Им кажется, что это круто, а? Я сразу скажу – мне не жалко проституток. Не за что их жалеть. Я никогда не имел с ними дела, для меня переспать с проституткой – все

равно что подобрать на улице выплюнутую кем-то жвачку и запихать ее в собственный рот. Проститутка – это какой-то ящик Пандоры. Половой акт с ней – это то же самое, что игра в русскую рулетку с той разницей, что в барабане нагана не один, а все семь патронов. Именно такая вероятность того, что вы заплатите сотню долларов за гепатит С, триппер, сифилис и, наконец, абсолютную высшую меру – СПИД.

Хренову было это все, похоже, по хрену. Как партнер по бизнесу, он вполне устраивал меня, и, как оказалось впоследствии, именно благодаря ему, его пофигизму и приверженности к разврату и пьянству я решил многие собственные финансовые вопросы. Из Екатеринбурга я вылетел в Кишинев. Я не стану перегружать свой рассказ описанием рутины обустройства в этом смешном маленьком городе, где нищета заставляет латать дырки на старом асфальте центрального проспекта Штефана чел Маре. Где золотая листва засыпает бывшую вотчину Леонида Брежнева мягким ковром, ничуть не смягчающим социальный кризис и отчаяние, поселившиеся здесь после распада СССР и националистических погромов после разделения Молдавии на прорумынскую и приднестровскую. Жителю такого мегаполиса, каким является Москва, любой другой город на территории бывшего Союза, кроме, разумеется, Питера, города укравшего мое сердце, кажется в лучшем случае поселком городского типа. Я поселился в гостинице «Chisinau» на проспекте того самого Штефана, национального героя всех молдаван, памят-

ник которому стоит на этом же проспекте, в самом центре города. Когда я впервые увидел изображение этого исторического персонажа на местной валюте, а впоследствии и сам памятник, я подумал, что это памятник графу Дракуле. Так велико, на мой взгляд, сходство между этими господами, или как их там называют. Наверное, эти двое – родные братья. Для меня все эти цари, короли, императоры, все они: са-трапы, время которых ушло. Поклонение какому-то кровопийце, который устлал землю костями своих верноподданных, самодуру, который единолично решал судьбы страны и живущих в ней людей, – мне никогда не понять этого. Я слишком люблю свободу и слишком не люблю начальников любого пошиба: от царей до офисных крыс.

В Молдавии я обрел свободу в полной мере. Все здесь, казалось, принадлежало мне. С сотней долларов в кармане я гулял по проспекту имени брата Дракулы и чувствовал себя хозяином жизни. Заглядываясь на местных красавиц, заходя в рестораны и два или три приличных магазина, в которых я покупал продуктовый набор гостиничного постояльца: коньяк «Штефан Водэ», вино «Каберне резерва», брынзу в рас-соле, черную икру, салями, маринованные корнишоны в бан-ках и прочее подобное. В основной массе своей молдавское вино, то, которое когда-то длинными товарными составами ввозилось в Россию различными предприимчивыми граж-данами, являлось, безусловно, так называемым шмурдяком, бурдой отвратительного качества. Да и что можно ожидать от

продукта массового, поточного производства, без какого-то бы то ни было соблюдения технологии разлитого с помощью допотопного оборудования? Да. Все это было. Предприимчивые граждане ставили перед молдаванами задачу: цена в угоду чему угодно, и это «что угодно», как правило, было качеством. Но то вино, которое продавалось в центре Кишинева, было весьма сносным, а «Каберне резерва», столь любимое мною, и вовсе пришлось мне по вкусу настолько, что я выпивал его в день как минимум одну бутылку. Что касается коньяка, то хороший я вычислил довольно быстро. Это «Штефан Водэ». Его в Молдавии выдают за ХО, но он больше напоминает Courvoisier более молодой выдержки VSOP. Тем не менее это комплимент для молдавского коньяка, потому что его продукцию можно сравнить с таким шедевром, как Courvoisier, созданным маленьким человечком по имени Жан Марк Оливье в городке Jarnac, в замке на берегу тихой Гаронны. Неплох также и «Chisinau» десятилетней выдержки. А вот остальное – это не коньяк. Это проспиртованный чай. Грузинский.

Бизнес шел как по маслу. Первым делом я купил машину с большим багажником, под названием «Renault Saffron». В его большом багажнике я возил множество полезных вещей. Раскладную кровать с матрасом и подушкой, на которой я спал где придется, если не успевал до ночи попасть в Кишинев после своих ночных разъездов. Автомат Калашникова под названием «Ксюха» – прозвище от его аббреви-

атуры АКСУ – с перевязанными «валетом» изоляцией двумя рожками повышенной вместимости, по 45 патронов каждый. С таким любит позировать добряк Усама во время своих телепроповедей. Полный набор шанцевого инструмента, включая кирку, РПГ «Муха», в количестве двух штук, стальную войсковую каску времен немецкой оккупации и тяжеленный армейский бронежилет. Под сиденьем у меня отдыхал автоматический пистолет «Glok-17». С этим джентльменским набором я объезжал множество заводов, так называемых «первичек», на которых заготавливалось в огромных цистернах вино. Суть моего предприятия была несложной. Я фрахтовал партии приличного винного материала, торговался и коррумпировал директоров «первичек», надевая на них «кепки». «Кепка» на местечковом сленге означает взятку. Затем получал от Адели и Хренова с Вертинским 100% предоплаты. Сливал вино в цистерны, которые словно из-под земли доставал Куку, и отправлял их по месту назначения либо в Тольятти, либо в Екатеринбург. Предприятие, как я уже говорил, было довольно выгодным. Каждый раз в моих карманах оседало не менее 25% от общей стоимости сделки. Скажу для примера, что один литр виноматериала стоил тогда, в 1998—1999 годах, около 40 центов. С помощью «кепок» я опускал его стоимость до 35 и даже 32 центов, а продавал своим суперпартнерам по 50 центов и даже дороже. В одной цистерне вмещается 35—40 тонн вина, а по одной и даже по пять цистерн я никогда не отправлял. Минимум

– восемь. Я немного платил Куку, немного пареньку, который занимался таможенным оформлением, а все остальные деньги я оставлял себе, и через некоторое непродолжительное время я с удивлением обнаружил, что стал обладателем миллиона долларов наличными.

С того момента я потерял покой и сон. Я не знал, как мне вывезти мой миллион в Москву, и, подобно госпоже Белладонне из мультика про поросенка Фунтика, везде таскал его с собой в мешке.

При этом никакой бандитской крыше я не платил, справедливо полагая, что я слишком хорош для того, чтобы опускаться до общения с местным криминалитетом, а вот они так не считали...

В апреле 1999 года я совершил ошибку. К тому времени миллион перестал быть миллионом и увеличился еще больше, а я здорово обленился. Мне надоело самому рыскать по этой стране, похожей на толкиеновский Хоббитон. Ночевать в сенях какого-нибудь крестьянина с «Ксюхой» под складной кроватью и давить гусей, не желающих уступать мне дорогу. Вместо этого я нашел, как мне казалось, грамотного управляющего «со связями». Мужика-молдаванина лет пятидесяти, знатока всех «первичек», и я перепоручил все то, чем занимался сам, ему. Я съехал из гостиницы и снял квартиру неподалеку, спрятал миллион под половицей и завел себе «фронтную жену». Ее звали Русей. Представляете, Русей – как в рассказе Бунина! И работала Руся администратором в

той самой гостинице, где я жил несколько месяцев. Красоты она была сказочной, и я решил, что так должна была выглядеть жена Дракулы, после смерти которой он-то и скурвился окончательно. Не смог найти ей замены, осерчал и стал упырем, знаменитым на весь свет.

Все, что было в ней, сводило меня с ума. Я мог смотреть на нее часами, ничего не говоря, именно так, как я любовался «Оплакиванием» Микеланджело в соборе Святого Петра в Вечном городе. Я не буду утруждать себя созданием ее портрета, я просто назову имя – Сальма Хайек. Абсолютное сходство. Все.

Но ошибкой была вовсе не Руся, а тот самый пятидесятилетний старый козел, который взял да и навел на меня бандитов.

Бандиты и Руся

Фамилия козла была Пышняк. Когда-то у него был такой же, как у меня, бизнес, но он «лег» под бандосов, и, как это обычно бывает, эти волки выставили его «на все, что было, и немного больше». Обе квартиры Пышняка были под залогом в бандитском банке. Все прочее имущество было распродано или передано бандитам, и он еще оставался должен им около четырехсот тысяч долларов. Тема эта была не нова: недалёковидный Пышняк взял в том самом «Бандит-Банке» кредит, отдать вовремя не смог и попал в каторгу. С него давно уже получили все, что тот задолжал, но у бандитов свой взгляд на эти вещи: волки, они и есть волки, будут рвать до костей, а потом и кости сожрут. Не подавятся.

Пышняка нашел Куку. Вернее, он его давным-давно знал. Ни у того, ни у другого за душой не было ломаного гроша. С Пышняком уже все и так понятно, а Куку также имел весьма непростую, как оказалось, биографию.

Его отец всю жизнь прослужил в КГБ. Куку пошел по стопам отца, но из КГБ его выгнали. Версией самого Куку было раскрытие им какого-то шпионского заговора и незаинтересованности в разглашении информации каких-то оборотней в больших погонах в Москве. Куку, смахивая слезу, частенько принимался рассказывать мне о том, как он проводил какие-то не санкционированные никем обыски на квар-

тирах каких-то шпионов, что-то находил, но продавшееся ЦРУ или Ми-6 его руководство только махало на него руками и выставляло за дверь. Он писал в Москву, в ЦК, Андропову, но его письма «перехватили по дороге», и до адресатов они так и не дошли.

Мы частенько сидели с Куку в пивном кабачке «Гамбринус», расположенном прямо напротив гостиницы «Chisinau» и сыгравшем такую важную и драматическую роль в развязке моей молдавской одиссеи. Куку пил пиво кружками, жаловался на жизнь, ругал тех шпионов, которые «сейчас засели в молдавском правительстве», и тех, которые «так и продолжают сидеть в своих кабинетах на Лубянке». Сперва он забавлял меня, а затем изрядно мне надоел. Как-то я зашел в «Гамбринус» поужинать. Заказал свинину с капустой, пива и с аппетитом стал все это поглощать. Вдруг за мой столик сел хозяин этого заведения. Так как я был постоянным клиентом и мы регулярно раскланивались, то это не удивило меня. Саша (так звали хозяина) не был молдаванином. Он был русским, также бывшим сотрудником КГБ, еще при Советском Союзе, очень умным и оборотистым мужиком. Он нашел в пустой породе местной экономики свою тонкую кимберлитовую трубку и успешно разрабатывал ее, добывая и граня игристые камешки – предприятия. Помимо «Гамбринуса», у него были еще какие-то ресторанчики, транспортная компания в Румынии и еще что-то.

– Привет, Саша.

– Привет, Марк, как тебе мое пиво?

– Отличное, свежее, как всегда. Мне у тебя нравится. Видишь, каждый день захожу по три раза.

– Спасибо на добром слове. Я тебе пару слов хотел сказать.

– Насчет чего?

– Да насчет приятеля твоего. Куку.

– Да староват он мне в приятели, он мой партнер по бизнесу.

– Ну, так вот я как раз насчет этого.

– Я слушаю.

– Я с ним вместе служил.

– Понятно, все вы тут «из леса».

– Ага, так точно. Так вот, его ведь из КГБ выгнали, а это редкий случай.

– Да, он говорил. По его рассказам получается, что он невинная жертва.

– Да прекрати ты ему верить. Никакая он не жертва, он просто шизофреник, и не только.

– Как это?

– А так это. У него даже свидетельство есть, он в сумасшедшем доме лежал. У него просто обыкновенная шпиономания, вот и все. Но, помимо этого, – он хронический неудачник, а амбиции у него большие. К тому же он нечист на руку. Да и с совестью у него дорожки давным-давно разошлись.

– Страшные вещи рассказываешь!

– Не веришь? Я тебя просто хочу предупредить и привести некоторые факты, которые тебя касаются напрямую, пока не поздно.

При этих словах Саши мне стало как-то очень неприятно. Мягкий пивной хмель разом улетучился из головы. Я, стараясь не показывать своей реакции, процедил:

– Ну, говори, это уже интересно.

– А факт заключается в следующем. Вот скажи мне, кто попросил тебя, чтобы ты взял на работу Пышняка?

– Как кто? Куку предложил. Сказал, что есть на примете хороший специалист со связями, что мы без него как без рук и все такое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.